

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 13-023

ДОКЛАДЫВАТЬ МНЕ ЛИЧНО!

Тревожные весна и лето
1993 года

А.П. Орлов

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Гриф секретности снят

Андрей Орлов

**Докладывать мне
лично! Тревожные
весна и лето 1993 года**

«ВЕЧЕ»

2013

Орлов А. П.

Докладывать мне лично! Тревожные весна и лето 1993 года
/ А. П. Орлов — «ВЕЧЕ», 2013 — (Гриф секретности снят)

ISBN 978-5-4444-8822-5

В книге рассказывается о событиях, предшествовавших одному из самых трагических эпизодов новейшей российской истории — ожесточенному противостоянию Парламента и Президента, завершившемуся расстрелом Белого дома в октябре 1993 года. В начале 1990-х годов происходил мучительный процесс становления новых форм государственности на фоне распада СССР, катастрофического развала экономики и деградации морали, что привело к всплеску криминала и коррупции, которые пытались занять ключевые позиции во властных структурах. Этому противостояли органы безопасности, в течение уже нескольких лет сами подвергавшиеся нападкам радикалов всех мастей, измученные реорганизациями и утратой престижа чекистской профессии. Но как это всегда бывает в истории, в этот сложный период нашлось немало людей, несмотря ни на что самоотверженно выполняющих свой долг, зачастую с риском для жизни решающих задачи по обеспечению безопасности государства, не пасующих перед угрозами и не рассчитывающих на награды. Автор и некоторые его коллеги сами находились в эпицентре происходящих событий, что предопределило документальный характер повествования. Сотрудники Министерства безопасности и Администрации Президента Российской Федерации делали все возможное, чтобы не дать организованной преступности, праворадикальным группировкам и представителям иностранных спецслужб реализовать их замыслы. По известным причинам имена и фамилии некоторых участников событий изменены, а отдельные фрагменты происходящего имеют иносказательный смысл. В книге приводятся выдержки из подлинных документов того времени, воспоминания участников событий и публикации в средствах

массовой информации, позволяющие почувствовать дух эпохи. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-4444-8822-5

© Орлов А. П., 2013

© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	50
-----------------------------------	----

Андрей Орлов

Докладывать мне лично!

Тревожные весна и лето 1993 года

От автора

В этой книге я попытался рассказать о событиях, предшествовавших одному из самых трагических эпизодов новейшей российской истории – ожесточенному противостоянию Парламента и Президента, завершившемуся расстрелом Белого дома в октябре 1993 года. В начале 1990-х годов происходил мучительный процесс становления новых форм государственности на фоне распада СССР, катастрофического развала экономики и деградации морали, что привело к всплеску криминала и коррупции, которые пытались занять ключевые позиции во властных структурах. Этому противостояли органы безопасности, в течение уже нескольких лет сами подвергавшиеся нападкам радикалов всех мастей, измученные реорганизациями и утратой престижа чекистской профессии. Но как это всегда бывает в истории, в этот сложный период нашлось немало людей, несмотря ни на что, самоотверженно выполняющих свой долг, зачастую с риском для жизни решающих задачи по обеспечению безопасности государства, не пасующих перед угрозами и не рассчитывающих на награды.

Сотрудники Министерства безопасности и Администрации Президента Российской Федерации делали все возможное, чтобы не дать организованной преступности, праворадикальным группировкам и представителям иностранных спецслужб реализовать их преступные замыслы. Поскольку тайная война с криминалом зачастую не оставляет документальных свидетельств, некоторые сюжеты были подвергнуты авторской реконструкции и базируются на моем личном восприятии и опыте, как одного из участников описываемых событий. Наряду с реальными действующими лицами, часть имен и фамилий которых мне пришлось изменить, в повествовании присутствуют собирательные образы, а отдельные фрагменты происходящего имеют иносказательный смысл. В книге приводятся выдержки из подлинных документов того времени, воспоминаний участников и публикаций в средствах массовой информации, позволяющие почувствовать дух эпохи.

Обращаясь к сложной и полной противоречий обстановке 1993 года, я посчитал необходимым спустя два десятка лет рассказать об отдельных эпизодах, в которых довелось участвовать мне и моим коллегам по работе и службе. Ведь именно тогда закладывались основы противодействия нарастающей волне коррупции, преодоление которой и в наши дни является приоритетной задачей государства и общества. О том, насколько интересным и убедительным получился мой рассказ, судить вам, читатель. Я же старался быть непредвзятым, честным и искренним.

А. Орлов

13 марта 1993 года, суббота, день.

Москва. Кремль. 1-й корпус, второй этаж.

Кабинет руководителя Администрации Президента

– Перед вами стоит очень важная задача. Первое – это прекратить наконец утечку информации из Кремля и со Старой площади. То, что происходит сейчас, не лезет ни в какие ворота. У меня такое ощущение, что здесь появились люди, которые передают служебные сведения на сторону... Или просто их продают... Надо что-то делать... И добиться того, чтобы в Администрации Президента и в Аппарате Правительства с этим был порядок. И вто-

рое. Это – коррупция. Есть информация, что некоторые чиновники берут взятки, за деньги лоббируют на самом высоком уровне правительственные решения... Вы должны докладывать мне лично, а я буду докладывать Борису Николаевичу о таких фактах. Вы меня понимаете, Андрей Петрович?

Филатов¹ испытующим взглядом посмотрел на сидящего перед ним Орлова. Тот молча кивнул.

– Если вы получите информацию о... высших должностных лицах... но, только достоверную... то мы вместе с вами... или вы один будете докладывать непосредственно Президенту. Я это согласовал с Борисом Николаевичем... Вам все понятно?

Орлов серьезно посмотрел на руководителя Администрации Президента и, едва скрывая волнение, ответил:

– Да, Сергей Александрович, мне все понятно.

– Тогда запишите мой прямой телефон... Да, и на дачу... Вы можете мне звонить в любое время суток, и, если у вас будет срочное дело, я вас сразу приму. Включайтесь быстрее в работу. Время для раскочки у нас нет. Письмо о прикомандировании я подпишу сегодня же.

– Все ясно. Я готов приступить к работе на следующей неделе. Обещаю вам, Сергей Александрович, что приложу все силы, чтобы качественно решать задачи, о которых вы сказали, – как мог, проникновеннее произнес Орлов заранее заготовленную фразу, но, почувствовав ее банальность, смутился.

Филатов только поморщился и сухо сказал:

– Давайте, работайте. Надо помочь Президенту.

Разговор был окончен и Орлов, пожав протянутую руководителем администрации руку, вышел из кабинета. С начала беседы с одним из самых могущественных людей в государстве прошло каких-нибудь двадцать пять минут. А всего лишь час назад, сдерживая внутреннюю дрожь, он входил в широкий дверной проем в стене рядом со Спасской башней Кремля, предъявив офицеру охраны свое удостоверение.

СТАТЬЯ: «Поступающая в Администрацию Президента информация позволяет сделать вывод о том, что коррупция в России превращается в общегосударственную политическую проблему. Оказались под угрозой экономические реформы и демократические преобразования.

Коррупция пронизала все уровни госаппарата, включая самые верхние. Тревожит распространение этого явления среди работников правоохранительных органов. Фактически есть признаки того, что в определенных сферах реальная власть переходит к параллельной системе управления на криминальной основе. И в этом смысле государство может стать неуправляемым...» (Статья С.А. Филатова, в 1993–1996 годах – руководителя Администрации Президента. «Независимая газета», 24 марта 1993 года).

Чем ближе Орлов подходил к главному угловому подъезду известного кремлевского трехэтажного здания с зеленым куполом, тем все большее волнение охватывало его. Как-то так получилось, что до сих пор ему доводилось попадать в этот дом только через подъезд с тыльной стороны здания у Кремлевской стены. А теперь ему вдруг сказали, что он должен войти в святая святых российской власти через те самые двери, которые по меньшей мере два раза в день минует сам Президент.

Главный вход кремлевского дома, когда-то давно называвшегося Сенатом, затем зданием Правительства, а теперь именуемого просто первым корпусом, выглядел довольно скромно и, как казалось Орлову, не отличался особыми архитектурными достоинствами –

¹ Филатов Сергей Александрович – в 1993–1996 годах руководитель Администрации Президента Российской Федерации.

несколько ступенек, образующих крыльцо с миниатюрным резным металлическим навесом, полукруглая арка с массивными дверями, расположенная чуть выше ниша, в углублении которой виднелись окна, завешанные белыми шторками, покрытые желтой краской стены со слегка нависающим карнизом. В общем, обычный старинный московский дом, построенный в классическом стиле. Не более того.

Неподалеку от углового подъезда, чуть в стороне, стояли две черные «Волги» с правительственными номерами. За тонированными стеклами угадывались силуэты водителей или, быть может, охранников. День был солнечный, но довольно прохладный. На свободном пространстве площади чувствовалось дуновение холодного ветра, от которого Андрей даже немного поежился.

«Вот ведь, середина марта, а холодно, как зимой», – это последнее, о чем он подумал, прежде чем взялся за бронзовую ручку входной двери.

Орлов предъявил прапорщику охраны служебное удостоверение, которое тот долго изучал, будто пытаясь уличить посетителя в подделке или ином злом умысле. Потом долгим испытующим взглядом он посмотрел на Орлова, наверное, мысленно сличая его лицо с фотографией на удостоверении, и молча вернул документ, снисходительно буркнув:

– Проходите.

Прямо виднелась парадная лестница, покрытая темно-красным ковром. Ее ступени уходили вверх, создавая ощущение торжественности и парадности.

«Наверное, по ней и ходит Президент», – подумал Орлов. Но памятуя о том, что ему сказали подняться на второй этаж на лифте, повернул направо и через несколько ступенек оказался перед лифтовой дверью, которая неожиданно тут же раскрылась и из нее вышел высокий мужчина с густой шевелюрой темных волос. На нем был надет аккуратный серый костюм с еле заметными серебристыми полосками и белая рубашка с бордовым галстуком. В руке он держал толстую черную кожаную папку.

– Здравствуйте! – сказал Орлов, сразу узнав многократно мелькающего по телевизору первого вице-преьера.

Но тот скользнул безразличным взглядом по незнакомому лицу, ничего не ответил, а только едва заметно кивнул. Впрочем, Орлов не был уверен в этом. Может быть, ему только показалось, что заместитель главы правительства ответил на его приветствие.

Кабинет он нашел довольно быстро, немного пройдя по светлому коридору чуть вперед и прочитав на дверной табличке: «Филатов С.А.». Да, ему было нужно именно сюда, в этот один из самых важных кремлевских кабинетов, который занимал руководитель Администрации Президента Сергей Александрович Филатов, в начале 1993 года, может быть, самый влиятельный человек в окружении Ельцина.

Приемная была очень большой, можно сказать громадной. Три окна делали ее светлой и просторной. Рядом с массивной дверью в кабинет Филатова стоял стол секретаря, неподалеку от него множительный аппарат, тумбочки с какими-то бумагами и канцелярскими предметами, вдоль стен – диван, несколько тяжелых стульев, затянутых черной кожей, пара шкафов «кремлевского» типа, металлический сейф. В центре холла, нисколько не делая его узким, возвышался круглый полированный стол с аляповатой вазой, из которой торчали стебли какого-то засушенного растения. Широкие подоконники были сплошь завалены бумагами, подшивками газет, пачками толстых справочников. Там же стояла кофеварка, высокий термос с удлиненным носиком, чайная посуда на пластмассовом подносе, несколько бутылок минеральной воды. Справа, напротив двери, ведущей в кабинет Филатова, виднелась приоткрытая дверь в смежную комнату, в которой, наверное, сидели помощники или референты.

Казалось, на вошедшего Орлова никто особенно не обратил внимания. Только светловолосый парень, сидящий за столиком рядом с входной дверью, оторвавшись от чтения какой-то книги, вопросительно поднял на Андрея глаза.

«Прикрепленный», – догадался Орлов. Так называются сотрудники Службы охраны, отвечающие за безопасность высших руководителей государства, проще говоря – телохранители.

Миловидная женщина средних лет о чем-то говорила по телефону, одновременно стуча пальцами по клавиатуре компьютера и поглядывая на экран монитора.

– Нет, нет, нет! Сергей Александрович сегодня занят! Принять не может! У него расписано все до двадцати двух часов! – громко возражала в трубку секретарша. – Еще раз говорю: я записала ваш звонок! Может быть, может быть! Позвоните завтра во второй половине дня! Всего хорошего!

Она положила трубку на один из многочисленных аппаратов, стоящих на боковом столике, и сосредоточенно стала смотреть на экран монитора, по-видимому, пытаясь уточнить для себя что-то в расписании дня своего руководителя.

– Добрый день, – Орлов постарался как можно более любезно обратиться к секретарше.

– Здравствуйте, – сухо ответила та, не отрываясь от компьютера.

– Я... – начал Андрей. – Меня пригласили на беседу.

– Ваша фамилия? – секретарша наконец оторвалась от своего занятия и посмотрела на него. – Вы Орлов?

– Да! – несколько удивленно, но с каким-то облегчением ответил Андрей. – Мне назначено на три часа.

– Посидите! Сергей Александрович освободится, и вас пригласит! Вон там за столиком, – она кивнула головой в сторону круглого стола с вазой, за которым уже сидел грузный мужчина и сосредоточенно «изучал» газету.

Орлов тоже присел за стол, взял в руки яркий журнал. Затем мельком взглянул на часы. Было пять минут четвертого. Андрей вдруг почувствовал, что уже совершенно не волнуется в ожидании встречи с Филатовым. То ли обыденная обстановка приемной сняла напряжение, то ли взяла верх привычка спокойно реагировать на незнакомую ситуацию, чтобы не допустить какой-либо оплошности.

«Прикрепленный», о чем-то тихо переговорив с секретаршей, подошел к Орлову.

– Вы из МБ? – спросил он, понизив голос.

– Да, – ответил Андрей.

– Хорошо, – парень кивнул, снова уселся за столик и продолжил прерванное чтение книги. Видно, удостоверившись в чем-то, он теперь уже совершенно не обращал внимания на нового посетителя. Дело в том, что аббревиатурой «МБ» обозначалось Министерство безопасности, которым именовались остатки ликвидированного более года назад КГБ СССР.

Подполковник Орлов был заместителем начальника Оперативного управления этого министерства. В очередной раз судьба ставила его перед сложным решением, когда, кажется, сам случай определял за него, как дальше ему жить и работать. Он шел на разговор с руководителем Администрации Президента страны, уже зная, что на него пал совершенно неожиданный выбор. И этот выбор должен был круто изменить ставшую уже привычной обстановку. Правда, тогда Андрей даже не мог себе представить, что ждет его в ближайшем будущем, что тем мартовским днем начнется новый отсчет событий не только в его служебной карьере, но и в самой жизни. Для сорокадвухлетнего офицера контрразведки наступал этап биографии, которым он мог бы впоследствии гордиться или которого должен был бы стыдиться всю последующую жизнь. Ранней весной 1993 года он этого не мог знать, как не мог знать никто, что ждет страну через каких-нибудь полгода.

* * *

В первом корпусе Кремля Орлов бывал неоднократно. Начиная с прошлой весны он в течение нескольких месяцев почти каждодневно приезжал сюда на совещания, которые проводил секретарь Совета безопасности Юрий Владимирович Скоков². Тогда все произошло также совершенно неожиданно. Орлова, который уже около двух месяцев осваивал новую должность заместителя начальника управления, в конце апреля вдруг вызвал к себе министр безопасности Баранников³.

От этой встречи Андрей не ждал для себя ничего хорошего. Прежде всего потому, что министру, конечно же, было известно о том, что Орлов, будучи помощником его предшественника, играл не последнюю роль в противодействии объединению органов госбезопасности и внутренних дел. Задуманная тогда Баранниковым авантюра – собрать под одной крышей чекистов и милиционеров – закончилась, как известно, неудачей, и амбициозному генералу армии оставалось только одно – возглавить самому оставшееся самостоятельным ведомство. Пользуясь безграничным доверием Президента, он чувствовал себя в кресле министра довольно уверенно и потихоньку начал подтягивать в Министерство безопасности своих людей, а также перекраивать на свой лад структуру министерства.

– Садись, – небрежно протянув руку вошедшему тогда в кабинет Орлову, буркнул Баранников. – Мне тебя представляют как способного работника. Я вынужден доверять мнению тех, кто тебя порекомендовал... Но...

Он замолчал, как-то по-недоброму глядя на Орлова. Слух Андрея резануло фамильярно-пренебрежительное «ты», которое не имело ничего общего с доверительностью или снисходительной доброжелательностью начальника к своему подчиненному.

– В общем, будешь работать у Скокова. Столько, сколько нужно. Надо ему помочь создать Совет безопасности. Там будут еще люди из МВД, из разведки, МИДа, Министерства обороны. Дело очень ответственное. Никого к нему подключать нельзя. Все делать будешь только сам. – Тут Баранников как-то особенно посмотрел на Андрея и, выдержав паузу, продолжил: – Будешь докладывать мне лично все, что будет серьезное. Понял? – И, не дожидаясь ответа, протянул руку и сказал: – Иди!

– Все понял, Виктор Павлович! – четко выговаривая слова, ответил Орлов. Потом, будто, вспомнив о чем-то, спросил: – А как же управление?

– Что? А от должности тебя никто не освобождал. Это тебе общественная нагрузка. Понял?

– Да. Разрешите идти?

– Иди!

– Есть!

Орлов повернулся почти так, как когда-то его учили в Добельской сержантской школе, и вышел из кабинета.

ИНФОРМАЦИЯ: «Я всего три раза встречался с Баранниковым. Но первая встреча запомнилась больше всего. Она состоялась в 1992-м, когда я был, можно сказать, в подвешенном состоянии. Меня временно назначили на должность главного инспектора Оргинспекторского управления, но держали “на подхвате” – то подготовь такую-то бумагу, то поучаствуй в совещании, то направь шифровку... И вдруг звонок из приемной министра: “Вас срочно вызывает Виктор Павлович”. Я не мог даже представить, зачем! Быстро дошел до приемной, подождал пару минут, и меня пригласили в

² Скоков Юрий Владимирович – в 1992–1993 годах секретарь Совета безопасности Российской Федерации.

³ Баранников Виктор Павлович – в 1992–1993 годах министр безопасности России.

кабинет. Баранников, не поднимаясь из-за стола, протянул руку и буркнул: “Садись!” Я сел.

Без какого-либо вступления он резко так сказал: “Я знаю, ты против меня вместе с Иваненко⁴ развернул тут борьбу! – Он усмехнулся. – Я бы тебя выгнал, но... все говорят, что ты головастый парень. Поэтому я решил назначить тебя на должность заместителя начальника управления. К Погоню⁵. Знаешь его? – Я кивнул. – Работай! Но, если я что-нибудь узнаю про твое участие в интригах – вылетишь немедленно! Понял? – И, не дожидаясь ответа, бросил: – Иди!”» (*Из воспоминаний А.П. Орлова*).

Через два дня после разговора с Баранниковым Орлов впервые вошел в кабинет Скокова на первом этаже главного кремлевского здания. С этого момента началась изнурительная работа у секретаря Совета безопасности – многочасовые обсуждения различных конфиденциальных вопросов текущей политики, принципов организации и формирования аппарата самого Совета безопасности, идей, которые должны лечь в основу первого послания Президента России Верховному Совету.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «Совещание у Скокова Ю.В. 23.4.92 г.

Доклад Президента до 1. VII... До сих пор – ЦК⁶, СБ⁷ – инструмент.

Процедура подготовки и принятия решения. Группа – по разработке концепции. Комиссия – работа по разделам. Принципы, логика документа (коррективы)...

Основа работы СБ – прогнозно-информационный, аналитический блок. СБ – единый инструмент государственного управления в руках Президента... Как сформировать СБ? Президент должен понять, что СБ нужен ему как воздух... СБ – под сильную президентскую власть.

Некоторые фрагменты: сохранение государственности, защита личности, обеспечение устойчивости системы управления государством.

СОВЕТ Б. – инструмент обеспечения страт. стабильности с учетом внутривнутриполитических факторов» (*Из рабочего блокнота А.П. Орлова. Запись 23 апреля 1992 года*).

Все бы ничего, но Орлова никто не освобождал от его прямых служебных обязанностей. Днем он продолжал руководить второй службой Оперативного управления – ставить задачи перед сотрудниками, связываться с территориальными управлениями, докладывать начальству отдельные вопросы оперативно-служебной деятельности, – и уже потом, вечером, мчаться в Кремль, чтобы, сидя вместе с коллегами за длинным столом в бывшем молотовском кабинете⁸, обсуждать самые острые вопросы внутренней и внешней политики государства.

ИНФОРМАЦИЯ: «В первые недели работы в группе у Скокова меня переполняло чувство собственной значимости. Неожиданно для себя оказавшись в центре разработки важнейших государственных решений, я ощутил своего рода азарт и неимоверный прилив сил. Но больше всего меня сначала занимали чисто внешние эффекты. Проноситься на черной “Волге” через Лубянскую площадь по Ильинке и на глазах у гуляющей по Красной площади публики въезжать в ворота Спасской башни – это было потрясающе! Внутри все ликовало, и хотелось, чтобы все видели – это я, я еду в машине! Правда, въезжать непосредственно в Кремль получалось не всегда, и тогда я оставлял машину на Васильевском спуске. Да и с течением времени острота ощущение

⁴ Иваненко Виктор Валентинович – в 1991 году председатель КГБ (Агентства федеральной безопасности) РСФСР.

⁵ Погоний Яков Федорович – в 1992–1995 годах начальник управления Министерства безопасности России.

⁶ ЦК (сокр.) – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.

⁷ СБ (сокр.) – Совет безопасности Российской Федерации.

⁸ Рабочий кабинет в 1-м корпусе Кремля, в котором в 30-е и 40-е годы XX века размещался В.М. Молотов, председатель Совета народных комиссаров СССР, нарком, затем министр иностранных дел СССР.

ний поубавилась. А к моменту перехода на работу в администрацию – вообще улетучилась» (*Из воспоминаний А.П. Орлова*).

Иногда Орлову казалось, что он случайно оказался в компании могущественного секретаря Совета безопасности, опытного разведчика, не раз бывавшего в длительных загранкомандировках, начальника одного из ведущих управлений МВД и руководителя ключевого департамента Министерства иностранных дел. Его собственных знаний и жизненного опыта явно не доставало для того, чтобы веско и аргументированно отстаивать свою позицию, на равных «состязаться» с более старшими и уж, конечно, с более искушенными в политике людьми. Поэтому Орлов чаще молчал, а уж если говорил, то только в тех случаях, когда не сомневался в правильности своей позиции и был уверен в точности приводимых фактов и доводов.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «Совещание у Скокова Ю.В. 5.5.92 г., 18.45. Основная опора: армия, промышленность, территории.

1) Доклад Президента – как основной программный документ по вопросам внутренней и внешней политики.

2) Считать, что основой в подготовке... является МВК...⁹

3) Создать СБ в соответствии с Законом и Положением о СБ – приступить к формированию СБ на основе Временного положения. Обеспечить начало функционирования СБ с 20.5.92 г.» (*Из рабочего блокнота А.П. Орлова. Запись 5 мая 1992 года*).

Так продолжалось до самой осени, пока работа тайной группы не была свернута в связи с созданием аппарата Совета безопасности. За это время Орлов успел несколько привыкнуть к «коридорам власти», неоднократно на бордовых дорожках попадались известные ему по телевизионному экрану деятели – министры, политики, журналисты, бизнесмены. Однажды, когда они вместе с Виталием Федоровичем из Службы внешней разведки курили неподалеку от дверей кабинета секретаря Совбеза, вдруг в конце коридора появился Скоков в сопровождении коренастого круглолицего генерала.

– Вот, познакомьтесь, – сказал, лукаво улыбаясь, Юрий Владимирович, – представляю вам нового министра обороны и генерала армии¹⁰. Только что Борис Николаевич подписал указ. Можете поздравить. Вы будете первыми.

Генерал недоумевающим взглядом уставился на Андрея и Виталия Федоровича, напряженно пытаясь понять или вспомнить, что за люди перед ним. И тот и другой были явно ему незнакомы. «Может быть, это новые советники Президента или какие-нибудь недавно назначенные высшие чиновники администрации?» – именно этот вопрос читался в глазах Грачева.

– Это эксперты Совета безопасности, Павел Сергеевич, – наконец разрешил недоумение генерала Скоков.

Оба «эксперта» пожали руку генералу и сказали что-то вроде «поздравляем!» или «желаем удачи!», тогда еще не зная, сколько драматических и даже трагических событий будет связано с именем нового министра обороны Грачева.

– Теперь целую неделю руки мыть не будем! – пошутил тогда Орлов.

* * *

Опять резко зазвонил телефон. Орлов очнулся от воспоминаний, бросил взгляд на женщину-секретаря, что-то шепчущую в трубку, прикрываясь рукой, светловолосого «прикрепленного», продолжающего читать книгу, толстяка с газетой, сидящего напротив. Филатов все

⁹ МВК (сокр.) – Межведомственная комиссия Совета безопасности Российской Федерации.

¹⁰ Грачев Павел Сергеевич – в 1992–1996 годах министр обороны Российской Федерации.

не приглашал в кабинет, видно занятый беседой с каким-то важным посетителем. Андрей взглянул на часы – было двадцать минут четвертого. Начало аудиенции явно затягивалось.

«Почему большие начальники не могут придерживаться назначенного времени? – подумал Орлов. – Или они считают нас всех мелкими сошками, удел которых ждать и догонять?»

Наверное, если бы сейчас кто-нибудь внимательно посмотрел на Орлова, то заметил бы на его лице, кроме легких признаков волнения, досаду и нетерпение. Причем, чем дальше шло время ожидания, тем более явным становилось проявление этих чувств. С ним происходило то, что в обиходе называется «перегореть». Вместо волнующего предощущения важного для его жизни события Андрей все больше ощущал растущее раздражение, которое путало мысли и перемешивало заранее сконструированные ответы, которые он намеревался дать на возможные вопросы руководителя администрации.

Орлов опустил взгляд на разворот яркого журнала, который все еще держал в руках. Броская реклама пива – покрытая капельками росы кружка, наполненная доверху янтарного цвета напитком, ниспадающие белые хлопья пены, искусственные белозубые улыбки парней, для которых, кажется, употребление пива является единственным занятием и настоящим смыслом жизни, – все это только усиливало раздражение Орлова. Он закрыл журнал, отодвинул его на середину стола. Тучный посетитель, сидящий напротив, поднял глаза на Андрея, окинул его безразличным взглядом и опять погрузился в чтение газеты. Прерванные были воспоминания о работе со Скоковым снова всплыли в памяти.

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: «Совещание у Скокова Ю.В. 13.5.92 г., План: – до Пн. – концепция (принципы строительства...).

в Повестку дня:

– вопрос о границе;

– вопрос о гостайне;

– о налоговой службе;

– выработка правил поведения на территории экономически единого пространства и санкций за их нарушение;

– основные принципы внешней и внутренней политики;

– система жизнеобеспечения государства» (Из рабочего блокнота А.П. Орлова. Запись 13 мая 1992 года).

Из той засекреченной рабочей группы почти все перешли на работу начальниками управлений в аппарат Совета безопасности и только Виталий Федорович с Андреем остались в своих ведомствах – первый потому, что отказался променять службу в разведке на чиновничий кабинет, а второй... Второму просто не предложили перейти в Совбез¹¹. И это было не случайно.

В один из поздних июльских вечеров, когда все уже изрядно устали от бесконечных обсуждений, Скоков вдруг, откинувшись в кресле, стоящем в торце длинного стола для заседаний, сказал:

– Вот мы говорим: «национальная безопасность»... «безопасность внешняя», «военная», «внутренняя», «экологическая»... Перечисляем угрозы безопасности России... Все это верно... Но вот первое послание Президента, которое мы должны с вами сделать... Какая генеральная идея должна быть в нем? Каков должен быть стратегический курс государства? Вот – главные вопросы. Все остальные – производные от них. Двадцать третьего, в четверг, прошу каждого из вас подготовить тезисы по этим вопросам. Понятно? Каждый подумайте, что должно консолидировать наше общество? Какая идея должна лечь в основу этой консолидации? Докладывать будете мне лично на следующем совещании!

¹¹ Совбез (сокр.) – Совет безопасности Российской Федерации.

Было видно, что Скокова эти проблемы действительно очень заботили. Все, чем занималась группа в преддверии формирования Совета безопасности, лишь частично помогало ему в выстраивании собственной политической линии влияния на Президента, вокруг которого с некоторых пор буквально «вилились» невежественные и нахрапистые советчики, обеспокоенные только одним – упрочением своего собственного влияния. Те, что год назад назывались соратниками Президента в борьбе за демократию и вместе с ним «защищали» Белый дом, к этому времени стали его близким окружением, обладающим реальными рычагами управления некогда могучего государства.

Это было время, когда в структурах власти стали появляться личности, которые, дорвавшись до источников народного достояния, созданного предшествующими поколениями, будь то нефть, газ, уголь, оборонные заводы, лаборатории или конструкторские бюро, буквально впивались в жизненную плоть страны. Растаскивание по личным карманам государственных ресурсов, которые создавались веками, превращало страну в гигантский пирог, который, расталкивая друг друга, можно было делить, резать на куски, кромать на мелкие части. Вместо роста благосостояния и повышения уровня жизни народа, которые сулили «прорабы перестройки» и «борцы против тоталитарного режима», страна вползала в самую дремучую плутократию, где кучка нуворишей уже готова была распоряжаться всем богатством бывшего СССР, да что богатством, – миллионами жизней граждан многонационального государства.

Скоков, прошедший трудную школу организатора оборонного производства и прикладной науки, возглавлявший некогда крупнейшее в Москве научно-производственное объединение «Квант», не мог не видеть масштабов того развала, который происходил в стране. Оказавшись на кремлевском Олимпе и став, по сути дела, одной из ключевых фигур, влияющих на Президента, он пытался остановить процесс деградации, все больше и больше входя в конфликт с некоторыми фигурами из президентского окружения.

Давая поручение подготовить каждому свое видение стратегического курса страны, Юрий Владимирович, наверное, хотел сверить свои взгляды с мнением компетентных представителей «силового» и внешнеполитического блока, а может быть, и «нащупать» тот единственно верный путь, которым должно выбираться из трясины Российское государство.

– Ничего себе задачка! – только и сказал, выходя из кабинета Скокова, Виталий Федорович. – Ни много ни мало, «стратегический курс страны»!

Остальные только безнадежно вздохнули. Ведь всем приходилось напрягаться, невзирая на то, что на службе у каждого была масса дел, за всеми стояли большие коллективы сотрудников, и каждый нес ответственность перед своим собственным руководством. Тем не менее Орлов даже с некоторым воодушевлением воспринял поручение Скокова. Наконец-то он мог как-то проявить себя, показать на что он способен, попытаться убедить других в правильности именно своей точки зрения. Впрочем, когда Андрей на следующий день начал работать над тезисами, он вдруг убедился, что ему самому далеко не ясно, какие же позиции являются принципиальными и наиболее важными. Сначала он перечитал груду бумаг – различных документов, докладов, сводок, каких-то записок. Даже полистал газеты. Но это практически ни на йоту не продвинуло его к цели. Каждый дул в свою дудку. Гайдар¹² боготворил либерализацию цен и приватизацию государственной собственности, которые загоняли страну в нищету; Бурбулис¹³, нагромождая одну фразу на другую, твердил о какой-то

¹² Гайдар Егор Тимурович – исполняющий обязанности председателя Правительства Российской Федерации (1992), консультант Президента России по вопросам экономической политики (декабрь 1992 – сентябрь 1993), первый заместитель председателя Правительства Российской Федерации (1993–1994).

¹³ Бурбулис Геннадий Эдуардович – Государственный секретарь, первый заместитель председателя Правительства Российской Федерации (1992), руководитель политологического центра «Стратегия» (с 1993 г.).

«особой российской ментальности»; Руцкой¹⁴ с прямотой старого вояки выступал за возвращение госзаказа; Хасбулатов¹⁵, во всем обвиняя правительство и Президента, призывал к созданию парламентской республики. Что-то толковое предлагал Вольский¹⁶, но в короткое время Андрей так и не смог найти материалы с его выступлениями. В общем, надо было думать самому.

Орлов корпел над текстом тезисов сам, никого не посвящая в эту работу. Он поступал так не только потому, что получил указание Баранникова ни с кем не делиться услышанным в Кремле, но и из-за того, что не хотел никого втягивать в это немного странное занятие, чтобы не «подставить» кого-либо из подчиненных, если его позиция будет воспринята в Кремле как ошибочная или вредная.

Всю неделю он приезжал домой не раньше одиннадцати. Вконец измотанный за день круговертью дел и вечерними бденьями за подготовкой тезисов, Андрей успевал лишь поцеловать жену и мигом проваливался в тяжелый и беспокойный сон, который почему-то не снимал общей усталости. А на утро, наскоро позавтракав, он спускался вниз, где его уже ждала дежурная «Волга», и мчался на службу, чтобы успеть ознакомиться с шифртелеграммами, поставить задачи перед начальниками отделов, подготовиться к очередному совещанию у первого заместителя министра или начальника управления.

Он успел сделать все, что хотел, и, когда из-под матричного принтера, наполняющего кабинет монотонным скрежетанием, медленно выползли друг за другом четыре листа, ощутил подлинное удовлетворение. Текст получился компактным, но, как казалось Орлову, достаточно емким. Сначала он в нескольких строках дал сжатую оценку геополитической ситуации и социально-политической обстановки, отметив при этом, что «кризис достиг наивысшего предела, за которым – необратимые процессы распада основ государственности и утрата национального суверенитета России». Затем он попытался сформулировать главную стратегическую задачу – «восстановление стабильности в государстве и обществе, возвращение гражданам России чувства уверенности в завтрашнем дне». Для этого, считал Орлов, «требуется кардинальная переориентация целевых установок органов власти и управления».

ИНФОРМАЦИЯ: «Для меня это было чрезвычайно трудное задание. Нет, не потому, что был явный дефицит времени. Работать в экстремальном режиме я привык. Трудность заключалась в том, чтобы, с одной стороны, четко сформулировать свои предложения, ни с кем не советуясь и опираясь на собственное понимание обстановки, а с другой – не выглядеть ретроградом и противником демократических преобразований. В противном случае это могло мне стоить не только должности, но и самого нахождения на службе в органах...» *(Из воспоминаний А.П. Орлова).*

На следующий вечер, когда рабочая группа снова собралась в Кремле, Орлова охватило лихорадочное возбуждение. Интуитивно он чувствовал, что сегодня должно произойти что-то серьезное, очень важное для него. Это не было ощущением студента перед экзаменом или соискателя ученой степени перед защитой диссертации. Нет, скорее всего, это напоминало состояние человека, решившегося на безрассудный и отчаянный поступок, после которого, как говорят, или грудь в крестах или голова в кустах. Андрей сознавал, что подготовленные им предложения, как бы это помягче сказать, не совсем в дугу. Они явно расходились с тем, что говорилось высшими должностными лицами государства, за что ратовали «гайдары» и к чему призывали «демократические СМИ». Надежда была только на самого Скокова, который, как казалось Андрею, очень болезненно переживал углубляющийся развал народного

¹⁴ Руцкой Александр Владимирович – в 1991–1993 годах вице-президент Российской Федерации.

¹⁵ Хасбулатов Руслан Имранович – в 1991–1993 годах председатель Верховного Совета Российской Федерации.

¹⁶ Вольский Аркадий Иванович – в 1990–2005 годах президент Российского союза промышленников и предпринимателей.

хозяйства и, особенно, оборонного комплекса, человека разумного и явно небезразличного к интересам государства.

– Ну что, как домашнее задание? – слегка улыбнувшись, спросил Скоков. – Начнем? Кто готов первым?

В кабинете повисла напряженная тишина. Казалось, никто не хочет начинать трудный разговор. Первым нарушил тишину представитель МИДа:

– Юрий Владимирович, я думаю... вот тут я написал... главной стратегической целью России на сегодняшнем этапе... Я могу говорить только о внешнеполитическом аспекте проблемы...

Скоков одобряюще кивнул.

– Так вот, – продолжал дипломат, – стратегической целью России на международной арене должна стать сбалансированная внешняя политика, позволяющая...

Он говорил, как всегда, медлительно-плавно, весомо, выразительно и даже немного высокопарно, как будто делал сообщение на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Перебить или остановить такое выступление было просто невозможно, если не сказать больше – неприлично. Поэтому Скоков, видимо соглашаясь с тезисами, кивал, а у сидевших за столом появилась надежда на то, что этим выступлением все и ограничится.

После того как дипломат закончил свою пространную речь, они еще несколько минут пообсуждали внешнеполитические аспекты российской политики, после чего Скоков все-таки спросил:

– Ну а по поводу стратегического курса страны кто-нибудь что-то скажет?

Наступило продолжительное молчание, как это бывало когда-то на уроках в школе. Учитель водит пальцем по журналу и говорит: «Так, сейчас к доске пойдет... К доске пойдет...» В этот момент класс замирал. Так было и здесь, в кабинете Скокова. Орлов понял, что настал его черед. Он отбросил малодушную надежду отмолчаться и в этот раз.

«А, была не была!» – промелькнуло в голове у Андрея. – Можно мне, Юрий Владимирович?

– Пожалуйста, – Скоков с удивлением посмотрел на доселе чаще молчавшего Орлова. Видно было, что от него-то Юрий Владимирович не ожидал такой активности.

– Первая часть послания Президента, – начал Орлов, встав со стула и заглядывая в лежащие на столе листы бумаги, – должна содержать...

Он принялся кратко излагать оценку ситуации. Но Скоков тут же остановил его:

– Нет, нет. Давайте сразу предложения.

– Хорошо... – Андрей как-то немного ступешевался, перевернул лист и стал продолжать, сначала как-то неуверенно, а затем все более решительно и настойчиво. Было заметно, что он слегка волнуется.

– Предлагается принять программу социально-политической стабилизации...

При этих словах Орлов заметил, что Скоков слегка поморщился. Наверное, Юрию Владимировичу не очень понравилось броское название, которое Андрею казалось удачной находкой, пришедшей ему на ум глубокой ночью.

– ...При этом, – продолжал он, – главными средствами достижения стабильности являются: гражданское согласие, консолидация активных сил общества на основе экономических преобразований и восстановление управляемости процессами жизнедеятельности государства.

Скоков слушал внимательно, но пальцы его правой руки как-то совершенно беззвучно забарабанили по столу. «Не нравится», – с огорчением подумал Орлов, но продолжал излагать заранее подготовленные тезисы.

– Достижение гражданского согласия возможно только на основе взаимных компромиссов со стороны государственной власти и всех активных политических сил общества, равноправного диалога партнеров, а не политических противников. Это потребует...

– Подождите, Андрей Петрович, – вдруг перебил Орлова Скоков. – Что вы говорите? Каких «партнеров»? Вы что, не знаете, что происходит? Что противостояние между законодательной и исполнительной властью достигло такого... – Чувствовалось, что он даже не может сразу подобрать нужного слова. – ...Вы же знаете все дестабилизирующие факторы! Одни желают реванша, другие готовы расшатывать государственный корабль до тех пор, пока он не развалится, третьи – поливают и тех и других ушатами грязи... А в это время Вольский и группирующиеся вокруг него люди готовят реальную альтернативу Президенту. С кем согласие?

Орлов не ожидал такого резкого отпора своей позиции, сначала с некоторым смущением молчал, слушая Скокова, а затем продолжил гнуть свою линию.

– Но, Юрий Владимирович, я считаю... Это мое мнение... Власть сегодня должна отказаться от противоборства с теми, кто не разделяет форм и методов осуществления экономической и политической реформ... Мы ведь сами понимаем, что реформами все то, что происходит, можно назвать только с большой натяжкой!

В кабинете воцарилась напряженная тишина. Произнесенные Орловым слова были столь прямолинейны, если не сказать, крамольны, что ставили в неловкое положение всех и, прежде всего, самого Скокова. Как один из самых близких к Президенту людей, выступающих за реализацию демократических реформ, он был просто обязан среагировать на пассаж Андрея. В противном случае, можно было предположить, что он разделяет эту точку зрения, явно противоречащую заявлениям государственного руководства.

Но Скоков промолчал. На лице его было написано явное напряжение, готовность в любую минуту остановить зарвавшегося члена рабочей группы, позволившего в святой святынях – стенах президентского корпуса Кремля – ставить под сомнение правильность избранного курса реформ. Собственно говоря, это было явным нонсенсом – в структуре, которая должна была разрабатывать мероприятия по поддержке продекларированных преобразований, зазвучали слова, в достаточно явной форме критикующие эту линию. Да и из чьих уст? Ладно бы высокого должностного лица или авторитетного политолога, к мнению которых можно было бы прислушаться или, по крайней мере, точку зрения которых следовало бы учесть. А тут – сотрудник Министерства безопасности!

И, тем не менее, Скоков продолжал молча слушать.

– Я считаю, что в Послании Президента должно быть объявлено, что в ближайшее время будет сформировано «правительство гражданского согласия» из числа пользующихся народным доверием политиков, видных хозяйственников, крупных бизнесменов, авторитетных представителей армии и правоохранительных органов, признанных деятелей науки и культуры...

– Все, все! Хватит! – Было видно, что терпению Скокова пришел конец. – Садитесь!

Он сделал жест рукой, побуждающий Орлова прекратить дальнейшее изложение своей позиции и показывающий, что больше он не хочет даже слушать, что говорит Андрей.

– Но, Юрий Владимирович, – Орлов попытался продолжить, еще не осознавая в полной мере, что его не желают дослушать до конца. – Я...

– Прошу вас, садитесь, – как-то враждебно произнес Скоков, не глядя на Орлова, и, обратившись к остальным присутствующим, холодно спросил:

– Кто еще хочет высказаться?

Андрей ощутил почему-то жгучее чувство стыда и горечи. Нет, это было не сожаление о том, что его рассуждения оказались неподдержанными Скоковым и вызвали у него раздражение. И дело было даже не в том, что Орлов вдруг отчетливо понял бесперспектив-

ность своей дальнейшей работы в группе. Со своими взглядами он вряд ли мог рассчитывать на понимание властей предрежающих и их окружения. Его угнетало другое. Андрей всегда боялся оказаться несостоятельным, несоответствующим тем ожиданиям, которые связывались с результатами его труда. «Не оправдать доверия» – было для него не просто стыдно, а позорно. Болезненное самолюбие требовало неизменного признания его способностей, а тщательно скрываемое им чувство тщеславия требовало постоянного удовлетворения.

Свои предложения формулировал уже кто-то другой, а Орлов все стоял, держа в руке теперь уже совсем никчемные листки.

– Что вы стоите? Садитесь! Вас мы уже послушали! – Скоков теперь уже не безразлично, а явно раздраженно посмотрел на Андрея.

У Орлова появилось спонтанное желание тотчас уйти из этого кремлевского кабинета, плюнуть на все эти бесконечные словопрения, недомолвки, намеки, досужие рассуждения, которые вряд ли могли привести к чему-либо путному. Но, естественно, сделать он этого не мог, и оставшееся время сидел не проронив ни слова.

ИНФОРМАЦИЯ: «Это было мое полное поражение. По существу, я впервые получил резкую отповедь своим взглядам на столь высоком уровне. Все мои мучительные размышления о том, что надо предпринять, чтобы страна не скатилась в пропасть, были резко отвергнуты. Я был не только посрамлен, но и уличен в невежестве, неспособности мыслить новыми категориями. Такого удара по самолюбию я не получал никогда ранее!» *(Из воспоминаний А.П. Орлова).*

Тем временем Юрий Владимирович перешел к формулированию собственного понимания стратегических целей государства. Видимо, не дождавшись от участников беседы каких-либо заслуживающих внимания предложений, он стал развивать свою позицию.

– Нам в России, безусловно, нужна сильная президентская власть. Только она может привести к построению подлинно демократического государства. Но реальность такова, что нам надо считаться с теми, кто против сильной власти Президента. Верховный Совет не воспринимает эту идею и всячески будет препятствовать ее реализации. И здесь самое главное – на чем консолидировать общество? Что должно объединить всех? Я думаю, только одно может объединить интересы всех – собственность!

Сказав это, Скоков обвел всех долгим испытующим взглядом, как бы пытаясь убедиться в полной поддержке сидящих за столом. Кто-то одобрительно кивал, кто-то внимательно смотрел на Секретаря Совета безопасности, всем своим видом демонстрируя благоговейное согласие с его высказываниями. И только Виталий Федорович с Андреем уткнулись в свои бумаги, по-видимому, не желая встречаться глазами со Скоковым.

– Всем должно быть ясно: какой у нас будет создан собственник – такой будет и власть. Это должно красной нитью проходить через все Президентское Послание. Согласны? – Он сделал паузу. В ответ не раздалось ни слова. – Тогда давайте поговорим о структуре Послания...

В тот вечер они разошлись очень поздно, ближе к полуночи. Мидовец и начальник управления МВД сразу уехали на своих персональных машинах, а Орлов вместе с Виталием Федоровичем устало пошли к ожидавшим их на Васильевском спуске дежурным «Волгам» – каждой от своего ведомства. На подходе к Спасской башне опытный разведчик остановился и, взяв Андрея за локоть, сказал:

– Не переживайте, Андрей Петрович. Я с вами полностью согласен. У них, видите, как – сейчас на первом месте собственность...

– Но, Виталий Федорович, скажите, как собственность может консолидировать общество? Да она, наоборот, его разъединит! Это известно еще с древности! Ведь недаром люди во все века стремились к социальной справедливости! Имущественное расслоение – это как раз путь к обострению противоречий, основа для будущих...

– Не обижайтесь на Скокова. Он вынужден так говорить...

Проем в стене, через который, как правило, проходят все посетители, прибывающие по служебным делам, был уже закрыт, и они вышли из Кремля прямо через арку в Спасской башне, предъявив охране свои удостоверения.

* * *

Воспоминания о событиях более чем полугодовой давности отвлекли Орлова от происходящего в приемной Филатова. Прошло уже почти полчаса после оговоренного срока встречи с руководителем Администрации Президента, но Андрея Петровича все не приглашали в кабинет. Напротив, за столом толстячок по-прежнему увлеченно читал газету. Рядом с входной дверью, все так же углубившись в книгу, сидел «прикрепленный». Секретарша решительно «отбивала» звонки, отсылая абонентов, одного за другим, то к замам или начальникам управлений, то на последующие дни, то, вообще отвечая, что обращение не по адресу.

Вдруг дверь кабинета распахнулась, и из него вышел невысокий человек с «гуцульскими» усами.

«Шахрай»¹⁷, – узнал Орлов начальника Государственно-правового управления, одного из самых активных радикальных демократов, которого не раз видел в дни августовских событий и после, когда он приходил к Иваненко, председателю Российского КГБ, тогдашнему шефу Андрея.

Тот, не глядя на окружающих, быстрым шагом направился к двери и только перед тем, как распахнуть ее, обернулся, окинул безразличным взглядом приемную и, кажется, едва заметно кивнул сидящим за столом. Сразу после этого у секретаря раздался протяжный резкий звонок, та сняла трубку и тут же, повернувшись к Орлову, сказала:

– Заходите!

Когда Орлов открыл вторую дверь и попал из небольшого тамбура в кабинет, он увидел знакомого по программам теленовостей седовласого человека, сидящего за письменным столом. Он внимательно, не отрывая глаз, читал какой-то документ. Орлову даже показалось, что он не заметил прихода нового человека. Во всяком случае, Филатов, а это был именно он – руководитель Администрации Президента, не обратил никакого внимания на Орлова. Так продолжалось по меньшей мере около минуты. И чем дальше Андрей стоял неприкаянно около двери, не решаясь сделать шаг в сторону высокого начальника, тем большее чувство неловкости охватывало его.

Наконец Филатов, как бы спохватившись, оторвался от чтения документа, поднялся с кресла.

– Здравствуйте, – с едва заметной хрипотцой в голосе произнес Филатов. Он вышел из-за стола к сделавшему несколько шагов ему навстречу Андрею и, протянув руку, еще раз повторил: – Здравствуйте.

Руководитель администрации испытующим взглядом посмотрел на Орлова, затем, как бы приглашая его присесть, кивнул на квадратный приставной столик, а сам снова вернулся на свое место и уселся в кресло.

Вблизи Филатов оказался более простым и располагающим к себе, чем на экране телевизора. Еще совсем недавно он постоянно мелькал на заседаниях Верховного Совета, каких-то официальных встречах, сидел в президиумах, беседовал с журналистами. Тогда он казался Андрею похожим на вузовского преподавателя, неожиданно для себя ставшего партийным функционером, и ассоциировался с шумным и многоголосым депутатским корпусом. Но

¹⁷ Шахрай Сергей Михайлович – заместитель председателя Правительства Российской Федерации (1992), председатель Государственного комитета Российской Федерации по делам Федерации и национальностей (1993).

последующее назначение Филатова руководителем администрации вместо Юрия Владимировича Петрова¹⁸, давнего ельцинского товарища, против которого ополчилась «новая демократическая команда», вводило бывшего заместителя руководителя парламента в самый ближний круг первого лица страны.

Лицу Филатова несомненное благородство придавала седая шевелюра, с уже явно обозначившимися залысинами на лбу. Его несколько не портил удлинённый, крупный нос и мелкие морщинки, собравшиеся в углах глаз. Открытый и широкий лоб, живые и внимательные глаза, доброжелательная улыбка – все это сразу же вызвало симпатию у Орлова.

– Андрей... – начал было Филатов и замялся, видно забыв отчество сидящего перед ним человека. Он даже начал шарить по столу рукой, пытаясь найти нужную бумажку, на которой были записаны данные Орлова, но Андрей опередил его.

– Андрей Петрович, – помог Орлов.

– Ну, да. Мне, Андрей Петрович, вас порекомендовал Сергей Вадимович... – Филатов упомянул известного председателя парламентского комитета по обороне и безопасности. – Степашин¹⁹ сказал, что вы справитесь... с той работой, которую здесь надо разворачивать. Серёжа сказал мне про вас: «Это мой человек, можете доверять ему, как мне». Не подведете? Вы юрист?

– Нет, Сергей Александрович, я – историк. Но я прошел курсы контрразведки...

– Это я понимаю. А сейчас чем вы занимаетесь?

– Я – заместитель начальника Оперативного управления. Это – своего рода штабная работа – планы всякие, докладные записки на имя Президента, взаимодействие с органами государственной власти, контроль за положением дел на территории... межведомственные мероприятия... Наше управление проводит...

Несмотря на то что лицо Филатова демонстрировало внимание, было заметно, что его мало интересуют дела Орлова в Министерстве безопасности. В глазах Сергея Александровича едва прочитывалось какое-то затаенное беспокойство, которое он не хотел или не считал возможным пока высказывать незнакомому человеку. Он терпеливо дослушал Орлова, пока тот рассказывал ему о своей работе, а потом прямо спросил:

– А как Баранников относится к предложению работать вам в администрации?

Этого Орлов не знал. Ему просто сказали, что министр был не против того, чтобы прикомандировать Орлова к администрации. Но что Андрей знал точно, так это то, что инициатива исходила не от Баранникова, который с подозрением и даже недоверием относился к сотрудникам своего предшественника на посту руководителя Российского комитета.

Орлов понимал, что за приглашением работать у Филатова стоит какая-то большая игра, в суть которой его пока не сочли возможным посвятить. Он осознавал лишь, что неизбежно оказывается меж двух огней – между двумя очень влиятельными фигурами в окружении Президента, фигурами противоречивыми, которых объединяет только одно – стремление укрепить свое влияние на Ельцина, а следовательно – оттеснить конкурента. А то, что Орлов был сотрудником службы безопасности, придавало его положению нечто особенное, выделяющее его из множества других работников Администрации Президента.

ИНФОРМАЦИЯ: «Я тогда и представить себе не мог, насколько трудной окажется для меня работа в администрации. Прослужив в органах безопасности более десяти лет и уже имея опыт руководящей работы, я рассчитывал, что смогу быстро адаптироваться к новым условиям. Но обрушившиеся на меня “деликатные” поручения Филатова и указания Баранникова опрокинули мои представления. Правда,

¹⁸ Петров Юрий Владимирович – в 1991–1993 годах руководитель Администрации Президента Российской Федерации.

¹⁹ Степашин Сергей Вадимович – заместитель министра безопасности России – начальник Управления МБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (1992), народный депутат Российской Федерации (1990–1993).

именно с этих дней круг моего общения в Министерстве безопасности резко сузился, но при этом повысился в статусе. Начиная с 1993 года я, как правило, докладывал все вопросы лично первым руководителям ведомства – Баранникову, Голушко²⁰, Степашину, Барсукову²¹, Ковалеву²²...» (Из воспоминаний А.П. Орлова).

Несмотря на то, что с Андреем было проведено несколько предварительных бесед, он так до конца и не понимал, зачем он нужен Филатову. Не являясь доверенным лицом Баранникова на Старой площади, он вместе с тем оставался сотрудником спецслужбы и от него могли в любое время потребовать исполнения каких-либо поручений министра. Если Филатов в борьбе за влияние на Президента хотел иметь свой собственный, независимый от Баранникова источник информации из Министерства безопасности, то он очень ошибался – в таких условиях Орлов не смог бы сделать и шагу, чтобы не подвергнуть себя риску быть уличенным в двойной игре. Если же Баранников, «отдавая» Орлова Филатову, рассчитывал, что тот станет его информатором в окружении своего конкурента, то он ошибался тоже – Орлов по своему характеру не был способен стать банальным стукачом.

Во всяком случае, вопрос Филатова о том, как Баранников отнесся к переходу Орлова на работу в Администрацию Президента, не был для Андрея неожиданным. Но ответить на него внятно Орлов, тем не менее, не мог. Поэтому он только односложно сказал:

– Не знаю, Сергей Александрович.

– Хорошо. Теперь давайте поговорим о том, что вы должны будете делать здесь. Перед вами стоит очень важная задача. Первое – это прекратить наконец утечку информации из Кремля и со Старой площади. То, что происходит сейчас, не лезет ни в какие ворота. У меня такое ощущение, что здесь есть люди, которые передают служебные сведения на сторону... Или просто их продают...

Когда Орлов вышел из кабинета Филатова, толстячок все также сидел за круглым столом с вазой и лениво читал газету, «прикрепленный» замер, уткнувшись в книгу, а секретарь продолжала свой бесконечный телефонный разговор с потенциальными посетителями. С того момента, как Андрей вошел в кабинет Руководителя Администрации Президента, прошло всего лишь двадцать пять минут. Но за это время в судьбе подполковника Министерства безопасности Орлова произошел очередной крутой поворот, определивший ему свое место в драматических событиях 1993 года.

13 марта 1993 года, суббота, день.

Москва. Рублево-Успенское шоссе.

Бывшая дача ЦК КПСС

– Господа, мы не должны упустить шанс получить пятьсот миллионов баксов. Это было бы просто глупо! Если уж сам Джохар сказал мне, что готов принять эту африканскую обезьяну!

– Он сказал это тебе в прошлом году!

– Какая разница, Боря? Что, в этом году заложников стало меньше? Вот, наш друг Раджаб, человек знающий, подтвердит...

Сидевший в кресле маленький, коренастый мужчина с восточными чертами лица в затемненных очках в металлической оправе еле заметно кивнул.

– Риска никакого! Пятьдесят процентов нам, пятьдесят – им! Африканец этот потом еще отвалит... У него денег немерено! Наш друг, этот бригадефюрер, сказал, что речь идет

²⁰ Голушко Николай Михайлович – заместитель, первый заместитель министра безопасности Российской Федерации (1992 – июль 1993), министр безопасности Российской Федерации (1993).

²¹ Барсуков Михаил Иванович – начальник Главного управления охраны России (1992–1995), директор Федеральной службы безопасности России (1995–1996).

²² Ковалев Николай Дмитриевич – в 1996–1998 годах директор Федеральной службы безопасности России.

не менее чем о шестнадцати миллиардах! Игра стоит свеч, господа! В результате проведения операции мы можем получить такой канал финансирования для нашего движения, что... Тогда жидам-демократам и партократам-большевикам придет каюк! Тогда пробьет наш час и наступит «русское время»!

Столь откровенно нацистская тирада в устах молодого человека, вальяжно развалившегося в глубоком кожаном кресле, выглядела несколько странной. Да и сам вид его явно диссонировал с тем, что он говорил. Элегантный импортный костюм, белая рубашка с галстуком, аккуратная короткая стрижка, поблескивающая золотом печатка-перстень на правой руке, наручные часы с изящным браслетом – все это выдавало в нем скорее преуспевающего бизнесмена, нежели «пламенного борца за свободу» или политика с ультраправыми взглядами.

В большом зале старого цеховского особняка находилось пятеро – только что настойчиво выступающий за проведение какой-то «операции» парень, которого все называли Григорием; лысый таджик в темных очках по имени Раджаб; Борис, высокий седовласый мужчина с простецким лицом, в отличие от остальных без галстука, в темно-синей водолазке под пиджаком. Двое других были явно вместе, правда, один, безликий человек в дорогом, ладно сидящем костюме, был, скорее всего, старшим по положению, «боссом», а второй – его помощником или охранником, а может быть, и тем и другим.

Двери гостиной были плотно прикрыты, как, впрочем, и окна, за которыми раскачивались голые ветки деревьев. Здесь за городом было ветрено и совершенно не чувствовалось наступление весны.

Обстановка в комнате была, несомненно, старой и вызывающе помпезной – массивный книжный шкаф с секретером, за поблескивающими стеклами которого виднелись корешки полных собраний сочинений классиков, энциклопедических справочников и толстых альбомов с художественными репродукциями; громоздкий кожаный диван и несколько таких же кожаных кресел, произвольно стоящих вокруг стола, устланного тяжелой скатертью, испещренной тонким узором; большая мебельная горка с дорогой фарфоровой и хрустальной посудой. Над столом висела тяжелая пятирожковая люстра из темного металла, напоминающего бронзу. Пол же был устлан громадным, во всю ширину помещения, ковром, бледным и слегка потертым в отдельных местах.

На стенах висели картины в толстых, потерявших золотой блеск, багетовых рамах. Сюжеты с горными пейзажами и романтическими замками не оставляли сомнения в том, что это – картины немецкой школы мастеров XV–XVI веков или, по крайней мере, их хорошие копии. Все это придавало казенному помещению довольно интеллигентный вид, однако никоим образом не свидетельствовало об интеллигентности его обитателей.

– Вот ты, Григорий, предлагаешь взять бабки у этого африканца. А как ты объяснишь, ёханный бабай, своим людям, что русские националисты, защитники русского народа от засилья всяких там... – человек в водолазке сделал неопределенный жест рукой и брезгливо сморщил нос, – от них же и получают бабки на нужды своего движения?

– Да поймите же вы, политические лозунги – это одно, а реальная практика, борьба – совсем другое. Я усвоил это еще когда проходил основы марксизма-ленинизма. Для достижения целей нашей организации любые средства хороши. Сейчас всякий, кто нам даст «капусту» или окажет какую другую услугу – наш друг. Потому, что он помогает нам прийти к власти. И только тогда, когда мы будем сидеть не здесь, в этом провонявшем старьем сарае, а в Кремле и на Старой площади... только тогда мы откажемся от подачек всяких там африканцев или азиатов!

Выпалив все это, Григорий смутился. Он только тут вспомнил о Раджабе, сидящем напротив. Таджику вряд ли могли понравиться столь откровенные высказывания молодого человека, явно свидетельствующие о лицемерии собеседника и его людей. Но тот продол-

жал сидеть как ни в чем не бывало. Лицо таджика оставалось невозмутимым, и даже черные брови, придающие его облику жесткое выражение, не шелохнулись. Он как будто и не слышал того, что сказал Григорий.

– Боря, сегодня главная задача – не упустить шанс и посадить наших людей на ключевые посты. Кто нам в этом поможет – спасибо! Мы их не забудем! Кто поможет деньгами – тоже спасибо, они вернут свое потом, когда мы станем сильными. И не только вернут, но и получают хороший навар! Это же рынок! Я правильно говорю, Михаил Юрьевич?

Он повернул голову в сторону «босса». Тот среагировал сразу же:

– Борис, вы не во всем правы! Я не разделяю радикальные идеи нашего молодого коллеги... – Михаил Юрьевич строго посмотрел на Григория, – и все-таки я абсолютно согласен с ним, что для приобретения необходимых рычагов влияния нам надо использовать все средства. И, конечно же, поменьше шума, трескотни, воплей... Мы же не на улице среди этого быдла, которое возомнило себя народом! Мы умные люди и должны действовать с умом! Впервые история распорядилась так, что к власти могут прийти талантливые, способные, предприимчивые люди. Их уже и так немало в бывших цеховских кабинетах. Но – это так называемая первая волна радикальных демократов. Они, прямо скажем, в большинстве своем оказались не готовыми управлять этой страной. Новые кухарки! Да это и понятно! Одно дело – выступать против режима, защищать Белый дом от танков, громить символы тоталитаризма, и совсем другое – взять на себя руководство целыми отраслями производства, армией, правоохранительными органами... Здесь уже нужны другие люди! Со знаниями, опытом...

Это тирада была первой, которую услышали присутствующие из уст «босса». До сих пор он только молчал, внимательно наблюдая за перепалкой Григория с Борисом. Он говорил неторопливо, мягким голосом, чуть назидательно, как будто читал лекцию перед студенческой аудиторией. Все с благоговейным выражением смотрели на Михаила Юрьевича, демонстрируя ему своим видом глубокое почтение и уважение. А тот, нисколько не сомневаясь в подобной реакции, продолжал:

– Вот вы, Борис, говорите: не надо брать денег у этого африканца. Но почему? Если это поможет реализации ваших замыслов, то... простите, всякие там рассуждения о чистоте «русской идеи» остаются пшиком! Сначала надо добить коммунистическую гадину, укрепить позиции демократии в России, добиться того, чтобы собственность перешла в руки тех, кто может грамотно распорядиться ею, а потом уже рассуждать о национальных интересах и приоритетах!

Борис буквально внимал словам «босса», вежливо кивая и демонстрируя тем самым свое абсолютное согласие со словами Михаила Юрьевича. Он сидел скрестив на груди руки. На запястье одной из них красовались великолепные часы, скорее всего швейцарские.

– И даже, Борис, если вы со мной не согласны...

– Да что вы, Михаил Юрьевич! Я с вами полностью согласен! Я...

«Босс» хитро прищурился и погрозил ему пальцем:

– Не пытайтесь меня обмануть! Это невозможно! Ваши руки... – он еле заметно кивнул в сторону Бориса, – ваши руки выдают вас! Вы должны знать: если человек переплетает руки на груди – значит, он не согласен с собеседником!

Борис от неожиданности даже приоткрыл рот и тут же, будто спохватившись, убрал руки, неестественно положив их перед собой на стол. То же самое проделал Григорий. И только Раджаб продолжал сидеть с невозмутимым видом. По лицу таджика нельзя было определить его отношение к словам Михаила Юрьевича. Оно оставалось непроницаемым на всем протяжении разговора. А руки он продолжал держать на коленях, ничем не выдавая своего состояния.

«Босс» даже рассмеялся от показавшейся ему, по-видимому, комичной сцены. Остальные тоже заулыбались, всем своим видом демонстрируя ему лояльность и уважение.

– Григорий, я надеюсь, ты пригласил меня не только для того, чтобы послушать вашу дискуссию на тему получения африканских инвестиций? – В голосе «босса» стали угадываться нотки раздражения. Но, видно, опыт общения с людьми и хорошее воспитание не позволяли ему открыто выразить свое неудовольствие. – А то, прямо скажу, у меня времени не так много. – Он взглянул на часы и добавил: – Ты говорил о каких-то бумагах...

«Босс» вопросительно посмотрел на молодого человека.

Григорий резко встал. На его лице отразилось некое подобие смущения. Чувствуя свою вину перед знатным гостем, он торопливо сказал:

– Конечно, Михаил Юрьевич, я пригласил вас не для того, чтобы вы слушали нашу с Борей перепалку! Я хотел вам показать... Я сейчас!

Григорий вышел из комнаты и через некоторое время появился в ней снова, держа в руках коричневую папку с завязками.

– Вот! Я хотел показать вам эти документы. Они из того сейфа... Я говорил вам. Помните?

«Босс» без особого интереса посмотрел на папку, как будто не понимая о каком таком сейфе говорит молодой человек.

– Это сейф со Старой площади. Мои ребята уволокли его еще тогда, когда мы несли охрану ЦК. Я же вам рассказывал об этом!

– Да, что-то припоминаю! – безразличным тоном проговорил Михаил Юрьевич.

– Вы же знаете: через некоторое время после путча всю цековскую охрану сменили. Мои парни стояли на каждом КПП. Конечно, коммунисты успели спрятать концы в воду... Да и эти... демократы, там тоже неплохо поживились. Но нам все-таки удалось кое-что вывезти. Пока нас не турнули оттуда, сволочи! Мы уже...

– Я знаю, Григорий, ты мне говорил об этом. Правда, не рассказывал, что вам удалось «уволочь» сейф. А что в нем оказалось? Какие-нибудь тайные планы коммунистов или, может быть, «золото партии»?

«Босс» иронично посмотрел на Григория.

– Михаил Юрьевич, вы зря насмехаетесь! Кое-что интересное мы там обнаружили. Вот я вам и хочу показать...

– Что же? – Глаза «босса» сделались серьезными. Он перевел взгляд с лица Григория на папку, которую тот держал в руках. Это была довольно толстая папка с туго завязанными на бантик боковыми створками, оклеенная коричневым дерматином. Сверху черным теснением выделялось: «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза». Посередине папки белела наклейка с надписью, сделанной от руки темным фломастером и указывающей на тематику документов или материалов, хранившихся в ней. В глаза бросались два слова, исполненные в отличие от остального текста ярко-красным фломастером: «Сов. секретно».

– Вот, смотрите! – Григорий стал суетливо развязывать тесемки. Это ему удалось не сразу. Одна завязка долго не поддавалась – видно, затянулась на узелок, но когда и с ней ему удалось справиться, папка была раскрыта и на стол выпала пачка документов, сколотых между собой большой фигурной скрепкой, – квитанций, чеков, банковских счетов, договоров, каких-то списков с аккуратно выведенными цифрами со многими нулями.

– Мы, конечно, уже разобрались кое в чем, но, Михаил Юрьевич, без вас мы не сможем вытянуть из некоторых европейских банков...

– Подождите, Григорий! – «Босс» стал внимательно рассматривать содержимое папки. Чем дольше он перебирал листки, тем серьезнее становилось его лицо. Более того, у него на

щеках появился едва заметный румянец – явное свидетельство нахлынувшего волнения. От иронично-назидательного выражения лица не осталось и следа.

– Там... вы посмотрите... есть один контракт... – Григорий попытался привлечь внимание Михаила Юрьевича к одному из документов, но тот, не отрываясь, просматривал один за другим скелетные скрепкой счета, как будто это были не сухие платежные документы, а страницы увлекательного романа или повести.

– Да, да, – рассеянно проговорил «босс» и, будто очнувшись, оторвал взгляд от бумаг и серьезно посмотрел на Григория. – А... вы понимаете, что это такое? Вы еще... оцениваете, что оказалось у вас в руках?

Было видно, что Михаил Юрьевич буквально потрясен тем, что увидел. У него даже едва заметно стала подергиваться левая щека.

«Разнервничался старик! – с удовлетворением подумал Григорий. – А то все поучает, да надсмехается! Пусть знает, что мы тоже не лыком шиты!» Но вслух он произнес только одно:

– Видите, Михаил Юрьевич, с нами можно иметь дело! Мы можем быть равноправными партнерами. Потому, что у нас имеется информация! А это – самое главное в вашем деле. Ведь эти бумаги действительно очень ценные. Не зря же из-за них выбросились из окон один за другим два больших цековских начальника!

«Босс» еще раз посмотрел на кипу документов, потом перевел взгляд на сидящих за столом Бориса и Раджаба. Оба, за время, пока Михаил Юрьевич рассматривал бумаги, а Григорий пытался при этом привлечь его внимание к наиболее важным документам, не проронили ни слова, хотя по выражениям их лиц было видно, что они внимательно наблюдали за происходящей на их глазах сценой.

Поняв вопросительный взгляд «босса», Григорий ответил:

– Я же с самого начала вам сказал, что эти ребята – мои хорошие друзья. Надежные и... – Он хотел подобрать какое-то слово, но, не найдя его, продолжил: – В общем, я им доверяю. Раджаб еще в Таджикистане помогал нам, а Борис... Без Бориса мы бы не получили эту папку. Он с самого начала, как только прогнали коммунистов из зданий ЦК, стал моим помощником. Это ему удалось скоммуниздить этот сейф!

На лице Григория засияла улыбка. Видно, ему самому понравилось, как к месту он употребил этот глагол. Он даже повторил его еще раз:

– Это Боря скоммуниздил у коммунистов сейф!

Однако словесный каламбур не произвел на «босса» никакого впечатления. Он продолжал внимательно рассматривать бумаги, как будто боялся, что их вырвут у него из рук и унесут в другую комнату.

– Михаил Юрьевич, я предлагаю обсудить наши совместные действия по...

Но «босс» не дал ему договорить. Он наконец оторвался от просмотра так заинтересовавших его документов, аккуратно положил их на стол рядом с открытой папкой и только тогда произнес:

– Гриша, не будем впопыхах обсуждать серьезные дела! Давай встретимся завтра у меня и обсудим все по порядку!

– Завтра? Хорошо! – согласился Григорий, несколько удивленный вкрадчивым тоном, с которым произнес Михаил Юрьевич последнюю фразу, и особенно тем, что тот впервые назвал его «Гришей», как бы подчеркивая особое дружеское расположение к нему.

«Заинтересовался, зараза! – подумал Григорий. – Да, миллионы баксов любого заставят быть вежливым и внимательным!»

– Да, Гриша, прихвати завтра с собой эту папочку! Вместе подумаем, как лучше нам развивать наше партнерство!

– Конечно, Михаил Юрьевич!

Пока Григорий относил папку в соседнюю комнату и громыхал там дверкой сейфа, все сидели молча. Борис, не говоря ни слова, достал пачку сигарет и, не торопясь, закурил, пуская вниз струю табачного дыма так, что она тонкой ниточкой выдувалась из уголка рта. Почти то же самое проделал Раджаб. Но прежде чем прикурить от золотистого цвета зажималки, он неторопливо размял сигарету пальцами, продолжая демонстрировать свою невозмутимость.

Помощник «босса», наклонившись к его лицу, тихо произнес:

– Михаил Юрьевич, в три нас ждут в Никольском!

– Я помню, помню, – раздраженно ответил «босс». – Сейчас поедем, позвони... Ну ты знаешь кому! Скажи, что минут на двадцать задержусь!

– Есть! – как-то по-военному четко ответил помощник и скрылся за дверью.

Тем временем Григорий, упрятав папку в сейф, возвратился в комнату и только своим появлением разрядил воцарившуюся неловкость. Однако разговор после этого уже не клеился, Михаил Юрьевич сразу заторопился на важную встречу и вскоре уехал вместе с охранником. Спустя некоторое время уехал и молчаливый таджик Раджаб, пожав руки оставшимся и сохраняя бесстрастно-невозмутимый вид. Напоследок, уже в дверях, он обернулся и сказал фразу, которая сначала показалась Григорию и Борису непонятной:

– О, Аллах! Избери меня и предпочти меня и не давай мне ни на миг полагаться лишь на самого себя!

Слегка кивнув, Раджаб вышел из комнаты и очень скоро на улице раздался шум мотора его «мерседеса», постепенно растаявший вдали.

– Все-таки странные люди, эти мусульмане! Залепят такое! Без полулитры не разберешь! – первым заговорил Борис. – Ты хоть понял, что он пробубнил?

– Ну вроде, что боится... как бы его не кинули. Не давай мне, Аллах, говорит, полагаться только на себя! Наверное, беспокоится, как бы мы его не обули! Что, мол, и на нас он тоже полагается. Я так думаю.

– Может, и так. А зачем он тебе, Гриша? Эти азиаты очень опасные люди. У них одно – на уме, другое – на языке. Сам знаешь ведь.

– Знаю. Но только... нужен он нам. Товар гонит серьезный.

– Наркота?

– Да нет. Сначала, правда, баловался, но теперь кое-что посерьезнее.

Борис с удивлением и даже некоторым испугом посмотрел на приятеля.

– Оружие? Да?

– Ну нет же! – раздраженно воскликнул Григорий. По всему было видно, что ему неприятна настойчивость товарища. – А что тебя это интересует? У тебя никаких дел с Раджабом нет! С ним встречаюсь я и это мои дела! Тебе знать о них необязательно!

– Ну уж нет! Мадрид твою Лиссабон в Португалии! Я что тебе – пенёк обоссанный? Ты за кого меня держишь? Сам перед этим... «Абрамом» расшаркиваешься, как... А со мной? Не доверяешь, да?

– Тихо, тихо, Боря! – Григорий сделал успокаивающий жест рукой. – Не психуй! Мы – друзья! Я тебе доверяю! И ты знаешь об этом! Просто...

– Что «просто»?

– Просто, я не хотел тебя напрягать. Знаешь, лишнее знать – себе дороже!

– А мне не надо лишнего! Я хочу знать то, что мне нужно! Лопухом я никогда не был, понял?

– Понял, Боря! Не пыли! А почему ты Михаила Юрьевича назвал «Абрамом»?

– А ты что, не знаешь, как его по паспорту?

– Не знаю! Я паспорт у него не проверял!

– Ну а я проверял!

– И как же его зовут?

– Моисей Юдович! Еврей он!

– Ну и что?

– Ты меня удивляешь все больше и больше! На своих сходках вы орете все время: «Россия для русских!», «Долой там всяких... инородцев!» Выступаете за «русскую идею», за «русский дух», а сами! То евреи, то таджики, то, ёханный бабай, черномазые какие-то!

Борис не на шутку распалился. Чувствовалось, что его просто прорвало. Наверное, он долго терпел и не высказывал все то, что накопилось за последнее время, а теперь, почувствовав, что Григорий что-то не договаривает, оскорбился до крайности и взорвался потоком упреков и претензий.

– Ну как же ты не понимаешь, Боря! Да, мы за «русскую идею» и против засилья инородцев! Но наша организация пока еще не настолько сильна, чтобы захватить власть. Нам нужны деньги! Очень много денег! Чтобы готовить боевые отряды, обучать молодежь, чтобы везде расставить своих людей. Ты что, не знаешь, что сегодня все везде покупается? Что каждой сопле надо дать в лапу, подмазать? А объекты для нашей организации, всякие там дачи, спортивные лагеря, залы для «качков», казармы? Если башлять нечем, то ничего этого и не достанется! По всей стране идет гигантский передел собственности. Если сейчас не подсуежится, то завтра останешься на бобах. И никакая «русская идея» не поможет! Поэтому мне плевать, от кого я получу бабки! Хоть от черта лысого! Деньги не пахнут, понял?

– Это-то я секу. Но почему ты от меня хочешь что-то зажухать? Если я в доле – я хочу знать, что здесь делает этот таджик! Если я иду на стрёмное дело, я должен знать: с кем? Ты ведь не припухал в тюряге? А у меня уже три ходки! Это что-нибудь да значит! Поэтому я хочу знать, свой мужик этот Раджаб или...

– Свой, свой! – проговорил примирительно Григорий, не ожидавший такого напора со стороны Бориса. – Я знаю его еще с девяностого, когда таджики выступили против коммуны. Тогда в Душанбе была большая заваруха и Раджаб со своими ребятами отлично сработали. Они не только «нарисовали» из сберкассы всю наличность, но и грабанили одну «ментовку»! У него в Таджикистане было все схвачено – и легавые, и начальники всякие, даже среди гэбэшников у него были свои люди!

– Ладно, Гриша, не бухти! Поживем – увидим! Так что за дело у тебя с ним?

Григорий нахмурился. Ему явно не хотелось раскрывать Борису подробности своих дел с Раджабом. Он, наверное, еще бы раз попытался свести разговор к заверениям о надежности своего азиатского друга, но, наткнувшись на колючий взгляд Бориса, нехотя произнес:

– Да, понимаешь... Ну, в общем, он... Ты «синяков» знаешь?

– Кого?

– «Синяков» с Урала! Знаешь?

– А-а! Артель эта! В Нижнем Тагиле? Знаю! Крестный Тимур там хозяин. Ну и что?

– Раджаб с ним в контакте. Ребята там одно дельце клёвое проворачивают...

– А какое дело-то?

– Они там металл надыбали. Сырье. Очень ценное сырье...

– Во дают! «Синяки» по металлу пошли!

– Так прибыльное же дело, Боря!

– Металл цветной что ли?

– Да нет! Всякие там разные... специальные металлы. Бериллий, цирконий...

– Не слышал. А для чего они?

– Да... для всяких там целей... На атомных станциях используют и еще...

Григорий замаялся. Борис вопросительно посмотрел на него.

– ...и еще в ракетах... – после некоторой паузы закончил он фразу.

– А-а! Теперь понятно! За эти штуки, должно быть, действительно можно состричь большие бабки.

– Конечно! Очень выгодная сделка получается. Только цепочку всю надо отработать.

– Что за цепочка?

– От завода до места хранения, потом транспортировка, охрана, подмазка, всякие посредники... Ну, сам знаешь, много чего надо... Вокруг крутятся разные... Сейчас через Раджаба все идет – и в Среднюю Азию, и к чеченцам, и в Европу... К нему в Таджикистан приехал эмиссар из Судана. Очень серьезный человек. Говорят, когда наши воевали в Афгане, он там был у моджахедов главным инструктором... Так он тоже очень хочет достать товар. Очень ба-а-альшие деньги предлагает.

– Так ты, Гриша, решил навар сделать на этом бизнесе?

– Да какой навар! Деньги для организации нужны! Я ж тебе сказал!

– Да, опасное дело! А цепочку-то эту ксивами и корками обставить надо. А то дело такое – зачалят в один момент!

– Да сделано уже все, Борь! Ребята получают настоящие ксивы и спецталон на каждую машину!

– Липовые кевтухи! Да это – хренотень!

– Какие липовые! Ты что! Я ж говорю тебе, Борь, самые настоящие документы. Вот, посмотри!

С этими словами Григорий вытащил из внутреннего кармана пиджака темно-бордовое удостоверение и протянул его Борису. Тот взял его в руки, стал внимательно рассматривать.

На внешней стороне «красной книжечки» золотыми тисненными буквами было написано: «Служба безопасности Президента Российской Федерации». Борис на мгновение оторвал взгляд от документа, посмотрел на Григория, усмехнулся и раскрыл удостоверение.

Внутри было все, как положено: российский герб, надпись «Администрация Президента Российской Федерации», четырехзначный номер, дата выдачи, мелкий витиеватый узор, какой бывает на банкнотах и облигациях, маленькие аккуратные мастичные печати, какие-то странные значки в верхней части удостоверения. Слева рядом с двуглавым орлом было напечатано: «Служба безопасности».

Согласно документу Григорий являлся начальником отдела этой самой службы, что и удостоверяла подпись руководителя администрации. Внизу мелким шрифтом было набрано: «Настоящее удостоверение подлежит возврату при оставлении должности». Борис удивленно посмотрел на Григория, повертел удостоверение в руках и протянул ему обратно.

– И что? Это не липа? Ты что опять там «состоишь в должности»?

– Нет, конечно!

– Значит, все-таки липа?

– Нет же, говорю тебе, удостоверение подлинное!

– А как оно...

Григорий, перебивая, торопливо ответил:

– Просто мы заказали для себя в типографии Администрации Президента... – Григорий сделал паузу, наверное, для того, чтобы насладиться впечатлением, которое должны были произвести на собеседника его слова, – ...пятьсот чистых бланков удостоверений! И еще тысячу спецталонов для автомобилей. Теперь никакая легавня не пристанет! Ты понимаешь?

– Ёханный бабай! Как же это вам удалось?

– Элементарно, Ватсон! Наши люди везде есть! А за крупные бабки любой говнюк готов не то что такие документы сварганить, но и мать родную продать!

– Это точно! Теперь понятно, зачем тебе нужен этот таджик. А то: «мои дела», «тебе знать не обязательно!» – Борис беззлобно передразнил Григория. – Ладно! Я пошел. Пока,

товарищ начальник отдела Службы безопасности. Я буду у себя. Связь – как всегда. Понадоблюсь – брякнешь!

Через минуту Григорий остался один в комнате. Он постоял немного у окна, посмотрел на раскачивающиеся от ветра ветки деревьев за стеклом, подошел к массивному книжному шкафу с собраниями сочинений классиков, энциклопедиями и альбомами с художественными репродукциями, достал один из толстых томов в темно-синем переплете и сел в кожаное кресло у стола. Трудно было предположить, что молодой человек с аккуратной короткой стрижкой, похожий на преуспевающего бизнесмена, хочет освежить в памяти какие-то фрагменты из учения вождя пролетариата. Настолько нелепо смотрелась эта книга в холеных руках с поблескивающими золотым перстнем и наручными часами с изящным браслетом.

Разумеется, Григорий и не собирался освежать в памяти умные мысли одного из основоположников марксизма-ленинизма. Да, в общем, и в памяти его подобная информация не задержалась, хотя, как и большинство его сверстников, он прошел школу марксистско-ленинской учебы в одном из высших учебных заведений.

Пролистав том, он открыл его на какой-то одному ему известной странице. Оттуда выпал сложенный вдвое тетрадный листок. Григорий развернул его. Перед его глазами пестрели строчки небольшого списка, каждая из которых начиналась с порядкового номера, а оканчивалась фамилией и инициалами должностного лица. Это был перечень подразделений Администрации Президента – управлений, отделов и служб. Под номером «6» в списке фигурировало Главное социально-производственное управление, каких-нибудь полтора года назад называвшееся Управлением делами ЦК КПСС, а под номером «9» – Управление кадров – ключевой элемент структуры высшего органа управления государства, в котором творилось таинство назначений и увольнений высших должностных лиц не только президентской Администрации и Аппарата Правительства, но и чиновников высшего уровня всех российских министерств и ведомств.

«Хорошо, что там у нас тоже есть свои люди, – с удовлетворением подумал Григорий. – Через них мы сможем провернуть любые дела! Пара-тройка “наших” человек в кадрах позволят нам проводить на должности среднего уровня наших людей. А может быть, и на более высокие должности».

Он оторвался от просмотра списка, поднял голову. Взгляд Григория наткнулся на большую картину в дорогой багетовой раме, изображающую романтический замок среди высоких заснеженных гор. На переднем плане в воинственной позе стоял рыцарь, сжимающий громадный меч. На прямоугольном щите отчетливо виднелся крест с плавно загнутыми концами, поразительно напоминающий известный знак, ставший в двадцатом веке злоеющим символом насилия. Какими путями забросила судьба старинное полотно в золотистом обрамлении в этот особняк с помпезной казенной мебелью? Достал ли ее какой-то интендант из трофейных фондов Великой Отечественной или преподнес в качестве подарка иностранный гость? А может быть, ее повесили на стену уже новые хозяева бывшей цековской дачи? Кто-то об этом наверняка знал. Но молодой человек с короткой стрижкой и блуждающим взором, рассматривающий картину, разумеется, не ведал о том. Впрочем, мысли Григория в этот момент были далеко.

«Национал-социалисты называли этот крест свастикой. А по-нашему – коловрат. А смысл-то один: знак этот – символ удачи. По-санскритски “свасти” так и будет – “хорошая удача”. Да, похоже, удача скоро будет на нашей стороне», – так или почти так думал Григорий Рыбин, убирая тетрадный лист со списком в карман пиджака, где уже лежало еще пахнущее типографской краской удостоверение начальника отдела Службы безопасности.

**13 марта 1993 года, суббота, день.
Москва. Улица Ильинка. У входа в ГУМ**

Орлов миновал КПП у Спасской башни и направился в сторону Старой площади. Все это время его не отпускало нервное возбуждение. Разговор с Филатовым, особенно доверительная его часть, озадачил Андрея. Он был готов ко всему – к сложной и ответственной работе, к активным действиям по предотвращению утечки из высших эшелонов государственной власти сведений, составляющих государственную тайну, к участию в разработке самых разных режимных и организационных мер, которые поставили бы заслон на пути вражеских разведчиков. Но разговор о том, что его главная задача должна заключаться в борьбе с коррупцией среди высших чиновников государства, тем более подкрепленная обязанностью докладывать лично руководителю Администрации Президента или даже самому Ельцину, заставил Орлова задаться вопросом, а способен ли он нести такую трудную ношу. Можно сказать, что он не на шутку испугался и интуитивно почувствовал опасность предстоящей работы. И тем более он не был уверен в том, что сможет даже при поддержке министерства выстроить нечто подобное заслону на пути коррупции в высших эшелонах власти. А масштабы этой напасти, судя по серьезному настрою Филатова, были ужасающи.

СВИДЕТЕЛЬСТВО: «Каждый день ко мне поступали оперативные материалы. Я видел, что происходит в стране, как она разворовывается, как растаскивается! Видел, кто принимает в этом участие! Я и мои товарищи задавались вопросом: почему на это не реагирует руководство страны? Это было ужасно! Стыд и позор заключался еще и в том, что мои подчиненные... от которых ничего нельзя было скрыть, все понимали! Что оставалось делать мне? Закрывать глаза на все? Бубнить одно и то же, что, дескать, ничего не происходит? А государство буквально рушилось на глазах...» *(Из воспоминаний Е.М. Бойкова, в 1992–1993 годах – начальника управления Министерства безопасности).*

С одной стороны, Орлов понимал, что ему явно не хватает практического опыта, тем более для работы в среде служащих госаппарата. С другой стороны, он отдавал себе отчет в том, что в этой работе ему неизбежно придется опираться на соответствующие подразделения Министерства безопасности, на опытных оперативников, профессиональных контрразведчиков, немалая часть из которых довольно скептически относилась к новой власти и не доверяла ей. А она, власть, платила им тем же. Конечно, Орлов был готов полагаться на свои собственные силы, но их было, безусловно, недостаточно. Отсутствие же реальной поддержки со стороны министра безопасности Баранникова делало его работу не только проблематичной, но и рискованной.

– Андрей, привет! Куда бежишь? – прервал знакомый голос с хрипотцой тягостные раздумья Орлова. Он повернул голову туда, откуда донесся возглас и увидел... Пашу Русских²³. Тот стоял у массивной арки входа в ГУМ и потягивал сигарету.

– А ты чего здесь делаешь? – в свою очередь спросил Андрей и заулыбался, не скрывая радости от встречи с товарищем.

Паша, Павел Алексеевич, в прошлом был сотрудником военной контрразведки, уже почти целый год прикомандированным к Государственно-правовому управлению от Министерства обороны. Умница, талантливый аналитик и юрист, одновременно с этим редкий шалопай и разгильдяй, способный на самые неожиданные поступки, человек с тонким чувством юмора, из уст которого, как из рога изобилия, лились шутки, усмешки, хохмы и разного рода словесные изыски, нередко на грани приличия, любитель выпить и подурачиться – все это был подполковник Русских. Как уживались в одном человеке столь противоречивые качества – одному Богу известно.

²³ Русских Павел Алексеевич – в 1992–1994 годах специалист-эксперт Государственно-правового управления Президента Российской Федерации.

Среднего роста, с лицом, на котором богатая мимика дополнялась хитрым взглядом и кривой усмешкой, с хаотической походкой и практически всегда мятыми брюками, хранившими только одно воспоминание о стрелках, Паша никак не отождествлялся с хрестоматийным образом офицера военной контрразведки. Он скорее походил на легкомысленного младшего научного сотрудника из заштатного НИИ, которого начальство старалось держать подальше от исследовательской работы и отправляло постоянно то на уборку картошки в подшефный колхоз, то на овощную базу, то на закупку канцтоваров для коллег по работе.

ИНФОРМАЦИЯ: «Паша Русских – незаурядная личность. Его отличают гибкий ум и завидные аналитические способности, умение разобраться в юридической казуистике и молниеносная реакция. Но не только это нравилось мне в нем. Потрясающее чувство юмора и кладезь всяких каламбуров, зачастую совершенно неприличных, – вот что делало его эпицентром мужских кампаний. Бесцеремонный, иногда даже цинично-грубый, он шокировал окружающих. Например, однажды, когда мы вместе с ним собирались сесть в лифт и находившийся в нем тучный человек сделал приглашающий жест рукой, Паша ничего лучше не придумал, как тут же выпалить: “Мы на грузовом лифте не ездим!” А это был достаточно известный деятель» (Из воспоминаний А.П. Орлова).

Андрей был рад этой неожиданной встрече. И не только из-за того, что они с Павлом не виделись несколько месяцев, но и потому, что чувствовал после встречи с Филатовым безотчетную потребность поделиться переполняющим его чувством тревоги. Паша как никто другой мог понять новые ощущения и охватившее Андрея смятение, так как сам уже почти целый год работал в высоком здании на Ильинке, в котором размещалась команда президентских правовиков, легко подмявшая под себя безликое Министерство юстиции и ставшая, по сути, одним из главных инструментов реализации установок Ельцина.

– Ты оттуда? – Паша еле заметно кивнул в сторону Спасской башни. – Из-за «стены»?

– Да. Был на беседе у Филатова.

– Сергея Александровича? – Паша наклонил голову в сторону и чуть вперед. Он так делал всегда, когда хотел высказать какую-то новую и казавшуюся ему важной мысль. – Непростой человек! И, между прочим, очень влиятельный. Он предлагал тебе чего-то? На работу звал?

– Да. И я дал согласие.

– А кем, если... не секрет?

– Не секрет. Первым замом начальника отдела в кадры. Режим, предотвращение утечки информации, ну и такое... всякое...

– Понятно. Давай покурим.

– Давай.

Орлов достал из бокового кармана пиджака пачку «Явы» в мягкой упаковке и протянул ее товарищу. Они с удовольствием затянулись, время от времени пуская в стороны клубы сизого дыма.

– А ты знаешь, что здесь оперативной работой нельзя заниматься? – лукаво прищурившись, спросил Павел.

Уже неплохо зная особенности его характера, Андрей постарался угадать за вопросом какой-либо подвох. Но ни в тоне, ни в самом вопросе он ничего такого не почувствовал.

– Знаю. Я и не собираюсь заниматься.

– А как же ты будешь выявлять каналы утечки? Это может дать только... Ну, ты сам знаешь!

– Паша, я буду работать как официальный сотрудник. Пусть оперативной работой занимаются те, кому положено, – Главное управление охраны, Министерство безопасности...

Павел как-то странно усмехнулся и привел фразу из известного кинофильма, смысл которой дошел до Орлова значительно позднее:

– Оставь свои патроны, Абдула: нечем будет застрелиться.

ИНФОРМАЦИЯ: «Пашины каламбуры и сентенции не всегда были уместными, а иногда они даже ставили собеседника в неловкое положение. Он мог, например, поиздеваться над внешним видом или манерой говорить, мог перефразировать любое высказывание и на ходу придумать кличку или прозвище. Некоторые обижались на него, но большинство, в том числе и я, воспринимали его остроумные изыски как проявление таланта и в некотором роде чудачества» (*Из воспоминаний А.П. Орлова*).

С Пашей Андрей познакомился около года назад, когда ему, заместителю начальника Оперативного управления Штаба Министерства безопасности, поручили поработать с депутатами. Время было сложное. Еще свежо было дыхание событий августа девяносто первого, когда в одночасье рухнуло все, что составляло основу громадной страны. Вакханалия развенчания прежних идей, низвержения авторитетов и памятников, захвата и растаскивания государственного и партийного имущества бывшего СССР – все это держало сотрудников органов госбезопасности, раскассированных на несколько самостоятельных структур, в состоянии сильнейшего напряжения и ожидания грядущей расправы. Одни оголтелые политики-горлопаны приходили на смену другим, призывая то уничтожить «ГБ»²⁴, то искоренить «чекизм», то изгнать из органов всех профессионалов и заполнить кабинеты на Лубянке «новыми кадрами демократической волны».

Шло следствие по делу ГКЧП²⁵, вершился суд над КПСС, одно за другим проводились разными комиссиями «расследования деятельности органов госбезопасности». Сотни сотрудников увольнялись, не желая стать жертвой очередной перетряски кадров, разуверившись в том, что еще совсем недавно казалось абсолютно ясным и вполне надежным.

В довершение всего Верховный Совет принял решение о парламентской проверке Министерства безопасности и Службы внешней разведки, для чего была создана специальная комиссия, состоявшая в основном из депутатов. Трудно сказать почему, но именно на подполковника Орлова пал выбор, когда Баранников определял, кто должен «опекать» эту комиссию в Министерстве безопасности – обеспечивать ее членов документами и материалами, организовывать встречи с сотрудниками, предоставлять место для совещаний и всяких других дел. Очередной «шорох» пошел по всему министерству – депутаты шерстили служебные бумаги, «допрашивали с пристрастием» руководителей среднего звена, добываясь от них подробностей оперативно-служебной деятельности, с многозначительным видом дефилировали по коридорам Лубянки, устланым красными дорожками, заставляя шарахаться в разные стороны подавленных ожидаемой очередной реорганизацией сотрудников.

ДОКУМЕНТ: «Список членов временной парламентской комиссии по выполнению Постановления ВС РФ «О парламентском контроле за деятельностью органов государственной безопасности и Службы внешней разведки»

1. БЕЛОБОРОДОВ Андрей Георгиевич, председатель Комиссии
2. АРЖАННИКОВ Николай Михайлович (Комитет по правам человека)
3. БОЛЬШАКОВ Борис Терентьевич (Комитет по вопросам обороны и безопасности)
4. ВАРОВ Владимир Константинович (Комитет по законодательству)
5. ИСПРАВНИКОВ Владимир Олегович (Высший экономический совет)

²⁴ ГБ (сокр.) – государственная безопасность.

²⁵ ГКЧП (сокр.) – Государственный комитет по чрезвычайному положению – самопровозглашенный орган в СССР, выступивший в августе 1991 года против политики Горбачева.

6. КОЖОКИН Евгений Михайлович (Комитет по международным делам и внешнеэкономическим связям)

7. КОНСТАНТИНОВ Илья Владимирович (Комитет по вопросам экономической реформы и собственности)

8. ЛЫСЕНКО Владимир Николаевич (Комитет по средствам массовой информации, связям с общественными организациями, массовыми движениями граждан и изучению общественного мнения)

9. НАТАПОВ Семен Аронович (Комитет по законности, правопорядку и борьбы с преступностью)

10. ПИСКУНОВ Александр Александрович (Комитет по вопросам обороны и безопасности) ...»

Время шло. Неумолимо приближался срок доклада итоговой справки на заседании Верховного Совета, а дело двигалось из рук вон плохо. Вороха бумаг, груды исписанных наспех листков, масса всяких справок и докладных записок не укладывались в логичный и целостный завершающий документ. Противоречия во мнениях, слабое знание профессиональных проблем госбезопасности большинством участников проверки, бесконечные и бесплодные обсуждения самых разных вопросов заставляли руководство Верховного Совета беспокоиться о том, чем же завершится вся эта кутерьма. Сергей Вадимович Степашин, негласный руководитель проверки и председатель парламентского Комитета по обороне и безопасности, сам ставший впоследствии главой ведомства, всерьез заволновался исходом широко разрекламированной политической акции. Выйти на Верховный Совет с несуразными выводами и откровенно слабыми предложениями было невозможно.

Справедливости ради надо сказать, что в числе членов комиссии было немало толковых людей, но то ли они утратили интерес к судьбе органов госбезопасности, то ли были озабочены какими-то своими делами, но вышедшая из-под депутатского пера справка оказалась настолько слабой, что Сергей Вадимович решил негласно подключить к ее доработке кого-то из действующих сотрудников Министерства безопасности. Он вызвал Орлова, которого знал еще по российскому КГБ, в Дом Советов²⁶ на Краснопресненской набережной, протянул ему пачку разнокалиберных машинописных листков и сказал:

– Андрей, займись. Тебе же поручено работать с комиссией. Вот давай и поработай теперь как внештатный эксперт.

– Да вы что, Сергей Вадимович, как я могу это делать? Я же сотрудник министерства! Меня же Баранников в бараний рог согнет, если узнает!

Председатель парламентского комитета засмеялся на откровенный каламбур Орлова:

– Ничего, не согнет. Не дадим!

– Но...

– Ладно, Андрей, ты же видишь, что справка – дрянь! Надо сделать так, чтобы не стыдно было вынести на заседание Верховного Совета. А осталось всего... – Он бросил взгляд на висящий на стене красочный календарь с видом белоснежного здания на берегу Москвы-реки, – осталось всего две недели! Берите вместе с Пашей все материалы и... Срок вам – пять дней. К среде все должно быть готово! Понятно?

– Понятно! – без особого энтузиазма ответил Орлов и спросил: – А Паша, это кто?

– Как? – Сергей Вадимович с удивлением посмотрел на Орлова. – Ты не знаешь Пашу Русских?

– Нет, не знаю. Фамилию вроде слышал, а...

– Ну, Андрей! Если ты Пашу не знаешь, то... Да его знают все!

²⁶ Дом Советов – наименование здания Верховного Совета РСФСР на Краснопресненской набережной (Белый дом), в котором в настоящее время размещается Правительство Российской Федерации.

– А я не знаю! – упрямо ответил Орлов. – Не пересекались мы!

– Не пересекались! – почти передразнил тот. – Паша – это умнейший человек! Военный контрразведчик. Сейчас работает в Администрации Президента, в ГПУ²⁷. Великолепный юрист, аналитик и вообще очень хороший парень! Вот берите все и вместе доработайте! Я уже ему поручил состыковаться с тобой.

– Но, Сергей Вадимович, как я могу... Надо же доложить Виктору Павловичу²⁸. Если он узнает, что я... что мы... – поправился Орлов – ...занимаемся этим за его спиной... нам достанется на орехи!

– Андрей, не трус! – председатель комитета недовольно поморщился. – Никто ничего не узнает. О том, что вы с Пашей займетесь справкой, буду знать только я, да еще, может быть, Белобородов. Он, как председатель парламентской комиссии, конечно же, должен быть в курсе. Но Белобородов – наш человек! Он не продаст.

Так Орлов получил тайное поручение готовить итоговую справку комиссии, осуществлявшей парламентскую проверку Министерства безопасности. А уже через два часа он познакомился с Пашей Русских, еще не зная, что эта встреча станет началом дружбы, связавшей их обоих почти на целый десяток лет тесными узами взаимного доверия и привязанности.

Буквально за три дня и одну ночь они подготовили совершенно новый документ, написав большую часть его с чистого листа. Перевернувши десятки справок и прочитав сотни документов, они поняли, что совершенно бесполезно пытаться связать воедино все разрозненные материалы, а скорее всего, надо делать что-то совершенно новое, убедительное для депутатского корпуса и, безусловно, полезное для органов.

ВОСПОМИНАНИЯ: «...Орлова я тогда не знал. Пришлось навести справки. Потому что идти на такую авантюру, как сочинить справку о парламентской проверке Министерства безопасности, кое с кем было нельзя. Узнал, что он по образованию историк, о нем хорошо отзывались. Естественно, если бы я ему не доверял, мы бы не стали соучастниками этой авантюры! Я доверял ему, а он доверял мне» (*Из воспоминаний П.А. Русских, в 1992–1994 годах – специалиста-эксперта Государственно-правового управления Администрации Президента*).

Орлов поражался, как Павел, не заглядывая ни в какие бумаги, прямо из головы «шпарил» одну фразу за другой, стуча двумя пальцами по клавиатуре компьютера. Из Паши как из рога изобилия лились оценки и выводы, предложения и рекомендации, которые он тут же превращал в текст. Безусловно, сказывался его опыт работы в одном из ведущих подразделений Управления военной контрразведки, а также в ГПУ, но главными были все-таки природные качества очень тонкого аналитика и юриста от Бога. Его неординарные способности и парадоксальность суждений поначалу вызывали у Орлова даже некоторое ощущение, похожее на чувство собственной неполноценности. Он понимал, что сильно уступает Паше в знании вопросов оперативной практики, явно «плавает» в юридических формулировках и, конечно же, выглядит более косноязычным по сравнению с коллегой.

Но комплексовал Орлов недолго. Да с Пашей и нельзя было долго комплексовать. Простота в общении и значительная доля самоиронии, а одновременно с этим исключительная работоспособность и готовность взять на себя самое трудное в любом деле, умение работать быстро, не рассусоливая и не втягиваясь в продолжительные дискуссии о том, как оценивать те или иные обстоятельства, – все это очень импонировало Андрею. Проработав над итоговой справкой комиссии несколько дней, они стали понимать друг друга с полуслова и очень быстро почувствовали взаимную симпатию.

²⁷ ГПУ (сокр.) – Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации.

²⁸ Баранников Виктор Павлович – в 1992–1993 годах – министр безопасности Российской Федерации.

Все происходило не в большом кабинете Орлова, где постоянно звонили телефоны оперативной связи и «кремлевки», куда все время заглядывали сотрудники своего и других управлений, несмотря на настойчивые возражения секретарши. Здесь работать было просто невозможно. Поэтому Орлов, доложив ситуацию своему начальнику Якову Федоровичу Погонию, переместился в свободный кабинет, расположенный тут же на этаже. Там, заперев дверь и обложившись грудой бумаг, они часами строчили на компьютере, попеременно садясь за клавиатуру, «Справку о парламентской проверке Министерства безопасности Российской Федерации».

ВОСПОМИНАНИЯ: «У Андрея был большой угловой кабинет с окнами на “Детский мир” и крыши домов, расположенных где-то позади главного здания министерства. Но работали мы с ним в другом кабинете... Мы с Андреем быстро нашли общий язык... Пятеро депутатов, членов комиссии, пьянствовали где-то в одной из соседних комнат, а у нас лежала на столе стопка бумаг. Это были их соображения. Я помню эту стопку. Мы посмотрели и... отложили эти бумажки. Полная хренотень! Сначала сформулировали проблемы, которые надо решать, что следует обязательно сохранить в министерстве, а что надо модернизировать... И начали тюкать на компьютере, за короткий срок настроили не то 16, не то 17 листов! Сделали всю справку... Работали с утра до позднего вечера, почти до ночи, смолили сигареты...» *(Из воспоминаний П.А. Русских, в 1992–1994 годах – специалиста-эксперта Государственно-правового управления Администрации Президента).*

– Слушай, мы – как Ильф и Петров, – пошутил Андрей.

– Не обольщайся, скорее всего, мы как Моцарт и Сальери, – с явной долей сарказма ответил Павел.

– А кто... Моцарт?

– Ну не я же! – Русских засмеялся своим «издевательским» смехом и без всякого перехода серьезно сказал: – Андрей, надо воспользоваться моментом и провести в докладе то, что нужно... показать, что Министерство безопасности... хотя в его работе есть некоторые недостатки...

– Я бы сказал шероховатости, – в тон Павлу добавил Андрей.

– Да, шероховатости... Надо нам четко записать, что Министерство безопасности способно эффективно противодействовать иностранным разведкам. Что оно – надежный инструмент защиты интересов государства, общества и личности. А то договорились до того, что военную контрразведку передать в Минобороны! Это же надо додуматься до такого!

– И Штаб этот. Я хоть и сам в нем нахожусь, но... Паша, ты же понимаешь, – пустая надстройка, что называется, излишнее структурное звено. Баранников механически приволок это из МВД²⁹, как будто... здесь дивизия внутренних войск!

– Андрей, надо сделать все для того, чтобы после этой проверки хотя бы накаты прекратились. Комиссия проверила. Да, выявила некоторые недостатки, но в целом... Понимаешь?

– Да, конечно же, Паша. Иначе и нет смысла этим заниматься. Написать, что все плохо и что Министерство безопасности – прямой наследник КГБ, который так и не разрушен... значит привести к окончательному разгрому органов госбезопасности! Некоторые этого только и ждут. Кстати, мне кажется, что кое-кто из комиссии тоже на это рассчитывает.

²⁹ С назначением в 1992 году В.П. Баранникова министром безопасности в министерстве был образован т. н. Штаб, копирующий в некотором роде структуру МВД России.

– Да, разгромить контору хотят многие, особенно те, кто был ее клиентами! Да и Бака-
тин³⁰ приложил руку...

– И не только Бакатин!

Весь кабинет был как в тумане – за пять дней, пока они работали над справкой, он, каза-
лось, насквозь пропитался табачным дымом и стойким запахом кофе, который «соавторы»
пили в неограниченных количествах. Не только простенькая стеклянная пепельница была
завалена окурками, но и две консервные банки, стоявшие на окне, топорщились десятками
бычков, дело до которых доходило тогда, когда заканчивались сигареты, а бежать в магазин
или палатку не было времени и желания.

Орлов успевал только утром зайти в кабинет, быстро просмотреть почту – письма,
шифровки, оперативные сводки – написать на них резолюции с поручениями, передать все
это секретарю и наконец уединиться с Павлом в кабинете, номер которого знала только сек-
ретарша.

К назначенному сроку справка была готова, а еще спустя некоторое время Орлов и Рус-
ских уже сидели в зале заседаний Верховного Совета и слушали доклад председателя парла-
ментской комиссии депутата Белобородова, который четко поставленным голосом излагал
основные положения справки. «В ходе проверки нарушений не установлено», «трудно-
сти из-за финансирования», «неурегулированность структурно-функционального построе-
ния» – из его уст звучали фразы, которые должны были убедить негативно настроенных к
органам госбезопасности депутатов в том, что если и есть какие недостатки в деятельности
Министерства безопасности, то они вполне устранимы при поддержке того же Верховного
Совета.

– Или министр нас обманывает или его надо увольнять за профнепригодность! – резко
говорил про Баранникова один депутат.

– А у меня есть сведения, что на Кубе в борьбе с диссидентами участвуют представи-
тели Министерства безопасности! – возмущался другой депутат только ему одному извест-
ным фактам.

– Моя озабоченность усилилась после вашего доклада, – непонятно о чем говорил тре-
тий депутат.

Но резко критических голосов в адрес чекистов было немного. Уверенный тон доклад-
чика, грамотные ответы членов комиссии и представителей Министерства безопасности
«перенастроили» возникшую было в обсуждении критическую тональность на конструк-
тивную поддержку деятельности органов безопасности. Прошло меньше года после авгу-
стовских событий, когда каждый считал своим долгом пнуть ногой «прислужников тотали-
тарного режима», и вдруг теперь под сводами зала высшего законодательного органа страны
завучали слова поддержки:

– Надо поддержать органы. И хватит реорганизаций, ведь они отражаются на рядовых
работниках, на тех, кто «пашет»! – восклицал председатель Верховного Совета.

**РАБОЧИЕ ЗАПИСИ: Из выступления Р.И. Хасбулатова при обсуждении доклада
Парламентской комиссии по проверке МБ:**

**«В справке отмечается слабая работа с территориальными подразделениями (они
перенесли несколько реорганизаций) ... Надо поддержать органы, но надо уменьшить
их численность и штаты. В.П.³¹ надо ориентироваться на серьезные выводы и кри-
тику» (Из рабочего блокнота А.П. Орлова).**

³⁰ Бакатин Вадим Викторович – в 1991 году директор Межреспубликанской службы безопасности. Передал американ-
цам документацию о подслушивающих устройствах в здании посольства США в Москве.

³¹ В.П. – Баранников Виктор Павлович – в 1992–1993 годах министр безопасности Российской Федерации.

– Считаю необходимым обеспечить финансирование офицеров, прапорщиков и работников Министерства безопасности в соответствии с действующими нормативами! – призывал один депутат улучшить материальное положение сотрудников органов, которые уже несколько месяцев не получали определенные для них нормы денежного довольствия.

– Имейте в виду: борьба с терроризмом сдерживается прежде всего из-за того, что Верховный Совет не разработал соответствующие законодательные акты! – самокритично заявлял другой депутат.

В общем, то заседание запомнилось Орлову и другим немногочисленным чекистам, присутствовавшим в зале Верховного Совета, резкой сменой настроения по отношению к органам безопасности – от скептически-враждебного до конструктивно-поддерживающего. После многочасовых дебатов по предложению Хасбулатова положительное решение по докладу было принято за основу ста тридцатью девятью голосами против семи. А уже вечером, когда депутаты, сытые и довольные, снова вернулись в зал, постановление было принято почти единогласно.

На лице министра безопасности Баранникова, о чем-то переговаривавшегося с председателем комиссии, сияла улыбка. Довольно радостные лица были и у других членов комиссии – то ли от того, что закончилось очередное трудное заседание, то ли в результате признания положительной работы, которую они успешно завершили. Особенно была заметна удовлетворенность так благополучно завершившимся обсуждением на лице председателя Комитета по обороне и безопасности. Складывая бумаги в большую кожаную папку, Сергей Вадимович со смехом что-то говорил Хасбулатову, а тот, кивая головой, невозмутимо поглядывал в зал, будто пытался еще раз убедиться в том, что принятое решение одобрено большинством депутатов.

ДОКУМЕНТ: Постановление Верховного Совета РФ от 14 июля 1992 года № 3299-1 «О результатах парламентской проверки деятельности Министерства безопасности Российской Федерации»

«Рассмотрев результаты парламентской проверки деятельности Министерства безопасности Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации постановляет:

1. Принять к сведению информацию Временной комиссии Верховного Совета Российской Федерации по контролю за формированием органов государственной безопасности и правоохранительных органов о результатах проведенной проверки деятельности Министерства безопасности Российской Федерации.

2. Министру безопасности Российской Федерации принять меры к устранению вскрытых комиссией недостатков в работе органов государственной безопасности и сообщить о принятых мерах Президиуму Верховного Совета Российской Федерации до 15 сентября 1992 года.

3. Рекомендовать Правительству Российской Федерации рассмотреть вопрос о распространении на военнослужащих, членов семей военнослужащих, рабочих и служащих Министерства безопасности Российской Федерации порядка и норм выплаты денежного довольствия (заработной платы), а также прав, льгот и преимуществ, предусмотренных действующим законодательством для военнослужащих, членов семей военнослужащих, рабочих и служащих Министерства обороны Российской Федерации.

4. Считать основными направлениями деятельности Министерства безопасности Российской Федерации, наряду с противодействием разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб и организаций, пресечение коррупции, преступлений против государства, а также выявление в соответствии с Законом Россий-

ской Федерации «О безопасности» угроз безопасности в военной, экономической, социально-политической и других сферах и осуществление мер по их ликвидации.

Министерству безопасности Российской Федерации обратить особое внимание на организацию обеспечения высших органов государственной власти и управления аналитической информацией с целью максимального содействия выработке решений по обеспечению государственной безопасности Российской Федерации.

Учитывая важность данного направления работы, рекомендовать министру безопасности Российской Федерации взять под непосредственное руководство проведение информационно-аналитической работы в центре и на местах в соответствии с Законом Российской Федерации «О безопасности» и Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 21 февраля 1992 года № 2398-1.

5. Совету безопасности Российской Федерации организовать разработку целевых установок Министерству безопасности Российской Федерации для обеспечения более эффективного решения задач, стоящих перед органами безопасности, и согласовать эти установки с Верховным Советом Российской Федерации.

6. Обязать министра безопасности Российской Федерации завершить по согласованию с Комитетом Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности реорганизацию структуры центрального аппарата Министерства безопасности Российской Федерации, исключив из нее дублирующие управленческие звенья.

Назначение на руководящие должности в центральном аппарате Министерства безопасности Российской Федерации производить по согласованию с Комитетом Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности.

7. Продлить до 30 декабря 1992 года срок полномочий Временной комиссии Верховного Совета Российской Федерации по контролю за формированием органов государственной безопасности и правоохранительных органов.

8. Контроль за выполнением настоящего Постановления возложить на Комитет Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности.

Председатель Верховного Совета Российской Федерации

Р.И.Хасбулатов

Москва, Дом Советов России

14 июля 1992 г.

№ 3299-1»

После того как все поднялись со своих мест и стали расходиться, Орлов и Русских подошли к возвышению, на котором стоял большой стол и трибуна. Спускаясь в зал, Сергей Вадимович заметил их, подошел, протянул руку обоим:

– Хорошо поработали. Молодцы! Спасибо!

От человека, довольно скупого на похвалу, такие слова должны были означать что-то вроде почетной грамоты или благодарности, особенно, если учесть, что председатель Комитета по обороне и безопасности сам приложил немало усилий, чтобы рассмотрение результатов парламентской проверки Министерства безопасности завершилось благополучно.

– Для дела старались! – Паша, как всегда, наклонив голову, с ехидцей смотрел на Сергея Вадимовича. – Времени было мало, а то бы мы еще обосновали, что... название «КГБ» вернуть надо! Министерство безопасности! Что это такое? Вот...

– Ладно, ладно, Паша, не хохми! – перебил его Сергей Вадимович. – Нам еще много надо что сделать, чтобы система заработала по-настоящему! – и, заговорщически подмигнув Орлову, спросил:

– Так, Андрей?

Орлов и Русских, конечно же, не относили положительные результаты обсуждения в Верховном Совете доклада парламентской комиссии только на свой счет. Активная позиция ее председателя и многих членов комиссии, авторитет Степашина, лояльность Хасбулатова и, разумеется, твердость Баранникова в отстаивании интересов своего ведомства – все это предопределило успешное завершение столь сложного дела. Но Андрей и Павел чувствовали, что в этом есть и их немалая лепта. Пять дней работы в кабинете, погруженном в сизый табачный дым и пьянящие запахи черного кофе, не прошли даром и мучительно подбираемые слова, лежащие в строки и абзацы «Справки о парламентской проверке Министерства безопасности Российской Федерации», все-таки достигли желаемого результата.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Я очень был доволен совместной работой с Андреем. У нас было ощущение, что мы спасаем систему и даем новый импульс для ее развития... Мы с ним ругались, спорили... Все, что мы написали, прозвучало потом в Верховном Совете. Получилось! Я этой бумагой, которую мы тогда сочинили, горжусь! Это был своего рода посыл обществу» (*Из воспоминаний П.А. Русских, в 1992–1994 годах – специалиста-эксперта Государственно-правового управления Администрации Президента*).

В тот день вечером Андрей с Пашей выпили по стакану водки, закусив яблоком – единственным, что обнаружилось в кабинете у Орлова из еды. Наверное, и того и другого переполняли примерно одни и те же чувства – удовлетворение от хорошо выполненной работы и некоторое огорчение от того, что об этом, скорее всего, никто не узнает. Впрочем, подобное чувство Андрей испытывал потом много раз и даже со временем привык к нему. Хотя, конечно же, для каждого человека важно не только успешно сделанное им дело, но и общественное признание его труда, которое придает ему чувство уверенности в своих силах.

13 марта 1993 года, суббота, день.

Москва. Старая площадь. Администрация Президента.

6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 705

Через несколько минут, преодолев два поста проверки документов, Орлов уже поднимался в лифте на седьмой этаж высокого здания из стекла и бетона, спрятавшегося за помпезными фасадами бывшего ЦК КПСС.

– ...Да их там еще навалом! Выбирай что хочешь! – светловолосая девчушка в шубке, стоящая боком к Андрею, щебетала что-то своей подружке.

– Там, наверное, одни классики... На что они мне?

– Нет же, Светка, я присмотрела там такие альбомчики... Про Париж там... ну еще, знаешь, про... Это... Как там? Всякие выставки... А фотографий сколько!

– И что, все разрешили брать?

– Да, пожалуйста! Шкафы-то старые надо освобождать. Вот эти книжки и вынесли в коридор. Сказали, кому надо, пусть разбирают...

– А где это?

– Да у нас в третьем подъезде!

Весь этот диалог происходил, пока лифт поднимался на седьмой этаж. Но даже и этого короткого времени Орлову хватило понять, что обрывок разговора двух девушек, по-видимому, работающих в этом здании, касается бывшего партийного имущества – книг, фотоматериалов, альбомов, которые в одночасье вдруг стали совершенно ненужными и бесполезными. Новая власть, занявшая апартаменты прежних хозяев, не нуждалась в осколках прошлого, тем более, что они не представляли какого-либо практического интереса. «Экспроприировав» все материальные ценности и документальные материалы, новый чиновный люд, занявший кабинеты в комплексе зданий бывшего ЦК, не забыл и о многочисленной службе, которой тоже надо было дать пожить за счет прежних владельцев кабинетов.

А в цековских шкафах накопилось немало! Во всяком случае, многие сотрудники администрации пополнили свои библиотеки редкими книгами и живописными альбомами.

ВОСПОМИНАНИЯ: «...Помню, когда я в начале девяностых вселился в свой кабинет, по коридорам еще ходил испуганный персонал бывшего ЦК. Они все были подавленные, опущенные... У одной стены стоял узкий стеллаж. Там было очень много книг – не только полные собрания сочинений Ленина, но и разные книги, которые давали в ЦК на проверку как контрольный экземпляр. Я как-то смотрю: уборщицы складывают всю эту литературу в большие зеленые мешки. Спрашиваю их: “Куда вы все это, в библиотеку?” “Какую библиотеку, – отвечают они, – на свалку!” А в сейфе я тогда нашел последнюю Программу Компартии...» *(Из воспоминаний Е.И. Владимирова, в 1992–1994 годах – специалиста-эксперта Управления кадров Администрации Президента).*

* * *

– Андрей Петрович, ну наконец-то! – воскликнул высокий немолодой человек с седой шевелюрой, когда Орлов вошел в один из кабинетов седьмого этажа.

– Был? – он перешел сразу почему-то на «ты». – Был у Филатова? Ну как? Когда выходишь на работу?

Голос хозяина кабинета был не просто радушный, а подчеркнуто благожелательный, как будто человек, которому он принадлежал, только и ждал, когда Орлов появится на пороге его кабинета.

Это был прекрасный и просторный кабинет с громадными окнами во всю стену, большим письменным столом и длинным столом для заседаний с рядами стульев по бокам. Вдоль противоположенной окну стены стояли книжные шкафы с зеленоватыми шторками под стеклами, маленький столик с графином и стаканами. На широком низком подоконнике стоял десяток горшков с цветами, среди них было несколько цветущих кактусов и каких-то других цветов, названия которых Орлов не знал.

Но самым замечательным в кабинете был удивительный вид из окна – на башни и соборы Кремля, крыши домов Китай-города, стеклянную галерею ГУМа, силуэты высотных зданий вдалеке. С такого ракурса Андрей еще не видел ни Спасскую башню, ни здание Правительства с развевающимся над его куполом трехцветным флагом, ни колокольню Ивана Великого. Да и фотоснимков, изображающих Москву с этой точки, он тоже не мог припомнить.

– Какой у вас вид из кабинета, Петр Васильевич! Чудо!

Это было первое, что ответил Орлов на вопрос седовласого хозяина кабинета, являвшегося начальником Отдела контроля за защитой государственных секретов Управления кадров Администрации Президента. Именно к нему и был назначен Орлов первым заместителем – на должность, которая была введена специально по указанию Сергея Александровича Филатова.

Петр Васильевич Романенко, которому было около шестидесяти, когда-то служил в органах госбезопасности и, выйдя на пенсию, стал работать в администрации, осуществляя руководство отделом, главной целью которого было предотвратить утечку важной государственной информации из высших эшелонов власти, какими являлись Администрация Президента и Аппарат Правительства, занявшие в девяносто втором году комплекс зданий на Старой площади. Под его началом работало несколько человек, в основном выходцев из режимных служб разных союзных министерств и правоохранительных органов – серьезных, зрелых, уравновешенных людей с солидным профессиональным опытом и знанием премудростей, мало известных широкому кругу.

Учитель истории и литературы по образованию, Петр Васильевич еще в хрущевские времена отслужил срочную службу в армии, немного поработал в Грозненском горкоме комсомола, а затем пришел на службу в органы и более двадцати лет проработал в Чечено-Ингушетии. От этого периода жизни у него остался неисчерпаемый клад бытовых наблюдений и интересных историй, любопытных жизнеописаний и чекистских сюжетов. Потом он прошел Афганистан, многократно бывал за границей, где выполнял разные непростые задачи, суть которых, наверное, так навсегда и останется тайной за семью печатями. Уйдя на пенсию после беспокойных лет перестройки, кое-где грозящей превратиться в перестрелку, он захотел, как и многие люди в его возрасте, найти тихую заводь, где можно было, особенно не напрягаясь, поработать, но оставаться при этом на виду, пользоваться уважением и хранить печать многозначительности.

ВОСПОМИНАНИЯ: «В моем кабинете и кабинете начальника управления поначалу продолжали висеть портреты Ленина, оставшиеся с цеховских времен. Никто ни от меня, ни от Дим Димыча не требовал их снять. Я был удивлен. Потом, вроде, волна какая-то пошла, звонит начальник управления и приглашает нас с Романовым к себе: “Зайдите посмотреть, какую я хорошую картину у себя повесил”. Смотрим, а в той рамке, в которой был портрет вождя, вставлена картина, изображающая какой-то город. Мы намек, конечно, поняли... Через некоторое время я сделал то же самое...» *(Из воспоминаний П.В. Романенко, в 1992–1994 годах – начальника отдела Управления кадров Администрации Президента).*

На Старой площади за полгода до прихода туда Орлова Романенко оказался с легкой руки его бывшего начальника, ставшего впоследствии первым заместителем министра. Дело было следующим образом. Однажды Петру Васильевичу, работавшему преподавателем в специальном учебном заведении, позвонил Голушко³² и пригласил к себе на разговор. Когда Романенко предстал перед очами первого заместителя министра безопасности, тот его без обиняков спросил:

– Хочешь поработать в Администрации Президента? Я на днях разговаривал с Петровым³³. Тот мне посоветовал, что у него на Старой площади творится форменный бардак: повсюду валяются и пропадают важные документы, а на службу приходят совершенно непонятные люди... Кто орал громче всех на площади, теперь стал чиновником... Надо во всем этом хозяйстве как следует разобраться. Найди, говорит, мне кандидатуру человека, который был бы из вашей системы, но при этом уже не ваш. Чтобы был не солдафон и легко вписался в нашу среду. Я сразу назвал твою кандидатуру.

– Я себя не вижу в этом качестве. – Петр Васильевич с удивлением посмотрел тогда на своего бывшего начальника. – Это не мое!

Голушко еле заметно нахмурился:

– Твое не твоё! Ты что, не видишь, какая ситуация? Ты всю жизнь проработал в органах. Неужели тебя не волнует, что будет с нашей страной?! У тебя есть опыт. Так давай поможем навести порядок! Думаешь, они не найдут другого человека? Найдут, только какого? Ты меня не подведи. Я твою фамилию уже назвал. Сходи на беседу, подумай.

А уже через пару дней Романенко вместе с начальником Управления кадров оказался в кабинете Петрова в Кремле. Тот без долгих преамбул сразу объяснил цель назначения на должность:

– Мы в Управлении кадров создали специальный отдел, и вы, если мы примем решение, должны будете организовать здесь оперативную работу. Это необходимо для того, чтобы

³² Голушко Николай Михайлович – в 1992–1993 годах первый заместитель министра, в 1993 году – министр безопасности Российской Федерации.

³³ Петров Юрий Владимирович – в 1991–1992 годах руководитель Администрации Президента Российской Федерации.

прекратить утечку важной информации. Представьте, мы сидим здесь, обсуждаем что-то, а через некоторое время информация уже в газетах! А о документах я уже не говорю! Валяются где попало! Да и не мешало бы разобраться, кто у нас здесь работает!

– Вы знаете, – возразил Петр Васильевич, – я этого не смогу сделать. По положению я не имею права проводить здесь оперативную работу. Это могут делать только два ведомства – Министерство безопасности и МВД. – Сказав это, он увидел на лице Петрова тень раздражения. «Не нравится!» – отметил про себя Петр Васильевич и добавил: – Эту работу я могу организовать только совместно с Министерством безопасности.

– Вот это я и имел в виду! Хорошо? Кроме вас у нас есть еще несколько кандидатур. Если мы остановимся на вашей – вас известят.

На этом аудиенция была закончена. Петр Васильевич решил, что, скорее всего, не понравился Петрову и с облегчением отправился восвояси. Но, как оказалось, все было иначе, и уже через несколько дней он был назначен начальником отдела в Управление кадров Администрации Президента.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Отдел кадров был преобразован в Управление кадров. Именно тогда пришел к нам в администрацию Романенко. Его тогда не сразу утвердили, сомневались... Не кондовый чекист, интеллигентный человек, контактный, умел расположить к себе человека, поговорить. Любил Есенина, читал его стихи... Но, мне казалось, что он иногда был чрезмерно подозрительным. Выбирал из анкеты казавшиеся ему сомнительными факты и на этом акцентировал свое внимание. А потом убеждал руководство, что этого человека не надо принимать на работу. Трудился он спокойно, неспеша, без большого напряжения. Любил беседы на отвлеченные темы...» *(Из воспоминаний Е.И. Владимирова, в 1992–1993 годах – специалиста-эксперта Управления кадров Администрации Президента).*

– Андрей Петрович, я очень рад, что ты пришел. А то я тут один... – Петр Васильевич сделал какой-то неопределенный жест рукой, видно, призванный показать, как тяжело ему приходится стоять на защите государственных интересов. – Тут такие люди! Приходится работать, как говорят, во враждебном окружении.

– Ну уж вы, Петр Васильевич, скажете... Все-таки это ж – администрация!

– Что ты, Андрей Петрович! Здесь такое творится! Если тебе все рассказать – не поверишь! Никакого порядка! К секретам допускают кого не лень! Иностранцы повсюду шастают! А в Аппарате Правительства! Ужас просто! Взятки! Информацию сдают! За деньги готовы продать мать родную!

– Да, Филатов мне говорил об этом. Он...

– А что Филатов! Да он ничего и не знает! Вот Дим Димыч докладывает кое-что ему, а так... В общем, теперь нам вместе будет легче. А Сергей Александрович разрешил обращаться прямо к нему?

– Да. Сказал, чтобы я докладывал все непосредственно ему. Даже телефон прямой дал. И домой... и на дачу тоже. А Дим Димыч, это кто? Румянцев?

– Он самый. Дмитрий Дмитриевич Румянцев. Его все так зовут здесь – «Дим Димыч». За глаза, конечно. А ты к нему пойдешь? Доложиться-то надо!

– Конечно, Петр Васильевич. Сейчас прямо и пойду. Мы договорились с ним по телефону, что после разговора с Сергеем Александровичем... Надо же познакомиться с начальником!

– Давай, иди! Может, позвонить, узнать, на месте ли он?

– Не надо, Петр Васильевич, я сам.

– Да, кстати, Андрей Петрович, а ты стихи любишь? – без всякой связи спросил Романенко.

– Что? Стихи?

– Ну да! Стихи любишь читать? Есенина, Пушкина, Лермонтова, может быть?

– М... мм... Люблю, – неуверенно ответил Орлов. – А что?

– Ну, ладно! Потом! Давай! Ни пуха! – Петр Васильевич вдруг вплотную приблизился к Орлову и полусшепотом проговорил: – Дим Димыч очень влиятельный человек! К нам... – он пристально посмотрел на Андрея, – ну... к органам он относится хорошо. Но сам себе на уме. Кого не взлюбит... Но я думаю, ты, Андрей Петрович, должен ему понравиться!

Орлов улыбнулся показавшемуся ему очень странным напутствию Петра Васильевича и вышел из кабинета.

13 марта 1993 года, суббота, день.

Москва. Старая площадь. Администрация Президента.

6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 735

– Румянцев, – рукопожатие высокого черноволосого мужчины было крепким и уверенным.

Несмотря на то что Орлов уже много слышал о начальнике Управления кадров Администрации Президента, под руководством которого ему теперь предстояло работать, первое впечатление о нем оказалось неожиданным. Он был готов увидеть высокого чиновника, преисполненного чувства собственной значимости, крутого и грозного человека, одним росчерком пера которого решалась судьба любого сотрудника администрации. Его воображение рисовало образ типичного представителя советской номенклатуры, вовремя успевшего впрыгнуть в «демократический поезд» и теперь распоряжающегося судьбами людей по своему разумению и произволу. Во всяком случае, все, что Орлов слышал о Румянцеве, создавало в его воображении именно такой портрет начальника Управления кадров.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Дмитрий Дмитриевич – незаурядный человек. Умный, целеустремленный, принципиальный, способный самостоятельно решать сложные задачи, но властный. Аргументированно отстаивал свою точку зрения. Бывал довольно резок с подчиненными. Основательно погрузился в кадровую работу, улавливал новые идеи, видел перспективу. Имел исключительный авторитет в Администрации Президента. Большинство начальников управлений советовались с ним по любым, не только кадровым вопросам...» (*Из воспоминаний Е.И. Владимирова, в 1992–1993 годах – специалиста-эксперта Управления кадров Администрации Президента*).

ВОСПОМИНАНИЯ: «Румянцев встретил меня настороженно. Правда, сразу стал обращаться на “ты”. Сначала мне он показался похожим чем-то на американского президента Билла Клинтона. Но потом в ходе разговора, когда он стал употреблять разные острые словечки, этот образ быстро улетучился. Своей открытостью и деловым подходом Дмитрий Дмитриевич произвел на меня очень хорошее впечатление» (*Из воспоминаний П.В. Романенко, в 1992–1994 годах – начальника отдела Управления кадров Администрации Президента*).

С первых же минут разговора Андрей почувствовал, что перед ним, безусловно, сильная и незаурядная личность. Высокий, широкоплечий, с пышной шевелюрой густых черных волос, Дмитрий Дмитриевич производил впечатление уверенного в себе и в своих силах человека. Несколько грубоватые черты лица несколько не портили его внешности, придавая ей мужественный оттенок, который обычно так нравится женщинам и вызывает уважение у мужчин. Движения его были непринужденными, но достаточно энергичными, речь неторопливая и образная, перемежающаяся время от времени всякими разными грубоватыми словечками, что не делало ее вульгарной, а придавало ей даже некоторую доверительность.

– Мне звонил Сергей Александрович. То, что вы приходите сюда – очень хорошо. А то мы с Петром одни тут колуемся. Как договорились с Филатовым? Когда выходите?

– Завтра.

– Отлично. Кабинет вам, мне доложили, подготовлен. Так что за работу! Все вопросы решайте с Петром Васильевичем. Если что-то серьезное, то – ко мне.

Заметив, что при этих словах Орлов как-то странно посмотрел на него, Дмитрий Дмитриевич спросил:

– Что-то не так?

– Нет, все так. Но... – Орлов немного замялся, – но Сергей Александрович сказал, что... по некоторым вопросам я буду замыкаться на него...

– Э-э, Андрей Петрович, это – ваши дела! Что касается режима, вы – первый зам. начальника отдела – работаете вместе с Петром Васильевичем и со мной. Докладывайте основные проблемы мне лично! А что касается отдельных поручений Филатова, то это, пожалуйста, – с ним. Котлеты и мухи отдельно. Договорились?

В голосе Румянцева Орлов уловил еле заметные нотки раздражения.

«К чекистам относится хорошо, но все равно ведет себя настороженно, – отметил про себя Орлов. – Такие люди, как он, не любят, чтобы что-то решалось, минуя их».

– Все понял, Дмитрий Дмитриевич. – Орлов пожал протянутую Румянцевым руку и по привычке спросил: – Разрешите идти?

Проговорив это, Андрей немного смутился. Здесь, в шикарном кабинете начальника Управления кадров Администрации Президента, сугубо штатского человека, слова, принятые в армейской среде, прозвучали явно неуместно.

Идя по длинному коридору, устланному красной ковровой дорожкой, Орлов невольно прокручивал в памяти все, что ему было известно о Румянцеве.

«Пятьдесят два года. Окончил институт. Защитил кандидатскую. Работал на производстве, был директором крупного КБ. В восьмидесятые годы – в Бюро по машиностроению у Силаева³⁴, а когда тот стал председателем Правительства перешел к нему в Совмин начальником отдела кадров. Очень влиятельный. Многие считают, что от Румянцева зависит любое назначение, причем не только чиновников Администрации Президента, но и министров, руководителей всяких ведомств. С Филатовым у него отношения непростые, но Румянцев никогда не говорит об этом даже в узком кругу. Достаточно осторожный и предусмотрительный. Волевой и жесткий, иногда высокомерный. Многие боятся его. Говорят, что он может быть очень резким, даже обложить матом. После того как Филатов поручил ему контролировать режим, постоянно требует наведения порядка в работе с документами, проведения мер по предотвращению утечки служебной информации. К чекистам относится, в отличие от многих руководителей “демократической волны”, лояльно. Никакой компрометирующей информации о нем у ребят из Управления по борьбе с контрабандой и коррупцией нет. Вот, пожалуй, и все, что мне известно о Румянцеве», – пронеслось в голове Орлова, пока он шел в другой конец коридора, где находился его новый рабочий кабинет.

13 марта 1993 года, суббота, день.

Москва. Старая площадь. Администрация Президента.

6-й подъезд, седьмой этаж, кабинет 763

Из окна 763-го кабинета открывался совершенно другой вид, чем из кабинета Петра Васильевича. Здесь уже не было видно ни кремлевских башен, ни куполов Ивана Великого, ни силуэта с зубцами московских высоток. Это был как бы вид во двор: напротив – современное здание вычислительного центра, справа и слева – крыши прилегающих домов, среди которых где-то внизу терялись Никитников и Ипатьевский переулки.

³⁴ Силаев Иван Степанович – в 1985–1990 годах заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Бюро по машиностроению, в 1990–1991 – председатель Совета Министров РСФСР.

Сам кабинет был небольшим, но довольно уютным. Конечно, это даже близко не было похоже на его кабинет на Лубянке, где помимо громадного рабочего стола имелся длинный стол для заседаний, а стена была сплошь заставлена стеллажами и шкафами для книг. Да и «предбанника» здесь тоже не было – секретарь Андрею теперь не полагался. Должность-то по местным меркам была не очень высокая. Зато на приставном столике красовалось сразу пять телефонных аппаратов светло-желтого цвета – городской, внутренний, прямой с Румянцевым, оперативной связи (дань специфике работы Орлова) и, конечно же, «кремлевка», крутящийся диск которой украшал миниатюрный металлический герб Советского Союза. Это было ровно на два аппарата меньше, чем на Лубянке. Там у Орлова имелся еще аппарат ВЧ, по которому можно было связываться с другими городами, а также положенный только большим начальникам телефон АТС-1. Здесь же такие аппараты имелись только у руководителей более высокого ранга.

Не успел Орлов еще как следует осмотреться, как в дверь постучали. Затем она открылась, и на пороге появился худощавый человек с испуганным лицом.

– Здравствуйте, – чуть заикаясь, произнес он.

– Здравствуйте, – вставая из-за стола, ответил Орлов.

– Я помощник к-коменданта этого здания. Вы – Андрей Петрович, новый сотрудник, да?

– Да, – сказал Орлов и с некоторым удивлением отметил про себя: «Надо же! Только сел в кабинет, а уже все знают, как меня зовут!»

– Вас все удовлетворяет? Мебель, конечно, старенькая, но...

Орлов с недоумением посмотрел по сторонам. Мебель совершенно не казалась старой. Более того, светлое дерево, из которого она была сделана, придавало ей вполне приличный вид.

– Нет, что вы! Все нормально. Спасибо, мне ничего не надо.

Но человек, казалось, и не думал уходить. Он суетливо оглядывал комнату и, похоже, хотел о чем-то поговорить с Орловым.

– Садитесь, пожалуйста, – Орлов сделал жест рукой, указывая на стул у приставного столика. – Может быть, что-то от меня требуется? Я готов...

– Да нет-нет, Андрей Петрович! Я просто хотел узнать, как вы устроились и не надо ли вам чего-нибудь.

Орлов хотел еще раз ответить, что его все устраивает, как человек, неожиданно перейдя на шепот, спросил:

– А вы «оттуда»? – он кивнул на аппарат оперативной связи. Разумеется, здесь, в бывшем здании ЦК, знали, что такие телефонные аппараты имели прямой вход в сеть Министерства безопасности и могли свидетельствовать только об одном – человек, которому поставили телефон оперативной связи, был сотрудником органов безопасности.

– Вы из Комитета? – переспросил помощник коменданта.

– Да. Ну и что? – не скрывая своего удивления, ответил Орлов. – Я – прикомандированный сотрудник. Буду отвечать за соблюдение режима в администрации.

– Очень хорошо! – как-то неестественно радостно произнес помощник коменданта. – Правильно, очень правильно! Надо наводить здесь порядок! А то...

– Что, много нарушений? – с заинтересованностью спросил Орлов.

– Очень. Очень много нарушений. Я тут работаю уже двенадцать лет. Такого, как сейчас, не было никогда!

– А что... Какие нарушения?

– Да всякие! Ходят сюда все кому не лень. Проходной двор! Раньше, попробуй войди... Порядка ни в чем нет. Воровство! Тащат из кабинетов. Размножают документы на ксероксах без разбору! Иностранцы заняли несколько комнат. Сидят как у себя дома! В общем...

Он махнул рукой, так и не завершив фразы, всем своим видом показывая, как ему не нравятся порядки в администрации.

– Знаете, давайте через некоторое время поговорим с вами обо всем подробно. Я вот чуть-чуть освоюсь здесь и мы...

– Андрей Петрович, всегда к вашим услугам. Если что – запишите мой телефон. – Он продиктовал четырехзначный номер внутренней связи.

Орлов протянул руку помощнику коменданта. Тот энергично пожал ее, приговаривая:

– Очень рад, очень рад.

Он сделал было уже шаг к двери, как вдруг остановился и уперся взглядом в одну точку. Орлов проследил взглядом, куда смотрел помощник коменданта, но ничего интересного для себя не обнаружил.

«Что это с ним?» – с недоумением подумал Орлов и хотел было уже спросить, что привлекло внимание помощника коменданта. Но тот опередил Андрея:

– Лампа! Какая у вас лампа! – в его голосе звучали одновременно нотки удивления и негодования

– Что? – не понял Орлов. – Какая лампа?

– Вот я и говорю: не такая настольная лампа. У вас должна быть другая!

Орлов с нескрываемым изумлением посмотрел на лампу: обычная лампа с металлическим абажуром и кнопкой посередине подставки. Может быть, чуть потускневшая, но вполне приличная. Почти такая у Орлова стояла в служебном кабинете на Лубянке.

– Андрей Петрович, а вы разве не знаете?

– Что? Насчет лампы ничего не знаю, – ответил Орлов, не понимая, куда клонит помощник коменданта.

– Вам нужна зеленая лампа. Со стеклянным абажуром.

– А почему именно зеленая? – Орлов даже усмехнулся, чувствуя нелепость разговора. – Да эта тоже, вроде, неплохая.

– Нет, Андрей Петрович, вы не понимаете. Лампа с зеленым стеклянным абажуром... с такой... ну, вы знаете... золотистой подставкой... Такие лампы полагаются руководящему составу администрации – начальникам управлений, заместителям... Как раньше – заведующим отделами ЦК и их замам.

– Да, я видел такие – у Филатова, у Румянцева... Но я же не начальник и не замначальника управления!

– Ну и что! Андрей Петрович, но вы же – «оттуда»!

Орлов внимательно посмотрел на помощника коменданта, все еще не понимая, серьезно он говорит или шутит. Настолько нелепым казался ему разговор о какой-то зеленой лампе, особенно на фоне сетований по поводу вопиющих нарушений!

– А что... она, та лампа, лучше этой? – Орлов никак не мог отделаться от мысли, что втягивается в какой-то странный разговор, не имеющий ничего общего с реальной действительностью. – Почему именно с зеленым абажуром?

– Андрей Петрович, да здесь так уже давно повелось – если у тебя стоит зеленая лампа – то значит, что ты... ну... на уровне, понимаете? Статус определенный. У нас тут все, кто приходит, просят поставить такую лампу. А где я их возьму? Перебили их столько! Да еще домой уволокли некоторые. Еще в прошлом году. А абажуры эти, стеклянные, делают только на одном заводе... Теперь даже не всем хватает, кому полагается по должности!

– А чего ж вы мне предлагаете, если у вас их нет?

– Нет, но я посмотрю... Кажется, где-то у меня была одна. Запасная. Уж для вас-то я постараюсь найти!

– Спасибо, буду вам очень признателен! – в тон помощнику коменданта ответил Орлов. Ему надоел этот бессмысленный разговор, который почему-то так сильно беспокоил его

собеседника. Но тот, привыкший, что люди «оттуда» обладают каким-то исключительным влиянием, наверное, хотел продемонстрировать свое полное расположение и готовность услужить. На всякий случай. Авось пригодится.

Еще некоторое время после того, как помощник коменданта вышел из кабинета, Орлов сидел в задумчивости, «переваривая» все, что произошло за несколько последних часов, и еще трудно себе представляя, как будет работать в новом качестве. С одной стороны, переход в Администрацию Президента следовало рассматривать как знак высочайшего доверия, особенно принимая во внимание все то, о чем говорил Филатов. С другой стороны, Орлов вдруг ощутил забытое чувство одиночества, которое неизбежно возникает у человека, оказавшегося в новом коллективе. Забытое, потому что когда-то еще в детстве, ему, как сыну офицера, пришлось сменить несколько школ, и каждый раз нужно было привыкать к новым товарищам, новым учителям и новым порядкам. Это было непросто, но в раннем возрасте проходило как-то менее остро, чем в период зрелости.

В управлении на Лубянке Орлов чувствовал себя вполне уверенно. Коллектив, спустя некоторое время после назначения на должность заместителя начальника, достаточное, чтобы проявить себя, признал в нем руководителя, вполне компетентного и внимательного к подчиненным. Даже «аксакалы» из бывшего Инспекторского управления, с которыми он вместе работал еще до перехода в Российский комитет и августовского путча, относились к нему вполне лояльно. Правда, с некоторой долей снисходительности и иронии.

Семен Енокович Мартиросов, бывший начальник Орлова в годы работы в Научно-исследовательском институте КГБ СССР, стал начальником отдела в управлении и превратился в подчиненного Андрея. Орлов же, зная его самолюбивый характер, всячески старался проявить особое уважение к бывшему начальнику – советовался с ним по разным поводам, часто заходил сам к нему в кабинет, постоянно подчеркивал авторитетность его мнения для себя.

Юрий Васильевич Бузанов, слывший самым опытным специалистом в КГБ по составлению различных планов, после того, как они с Орловым в течение пары недель бок о бок поработали над подготовкой «главного документа» Министерства безопасности, сказал сослуживцам:

– Андрей-то молодец! Я и не думал, что он так может... въедливо работать над документом. Я даже зауважал его!

Виктор Георгиевич Третьяков, под началом которого Андрей работал в Инспекторском управлении, тоже вдруг стал подчиненным Орлова. Один из самых сильных аналитиков во всей системе органов госбезопасности, человек, которому доверялось писать докладные записки генеральным секретарям ЦК КПСС и формировать отчеты о деятельности КГБ для Политбюро, возглавил отдел в управлении. Орлов старался никоим образом не показать Виктору Георгиевичу своего начальственного положения, постоянно демонстрируя свою готовность прислушиваться к его советам и предложениям. Наверное, именно искренность такого поведения Андрея и возвращалась в форме дружеской поддержки со стороны коллег-подчиненных.

Но теперь все это оказалось за бортом. Каждодневные заботы Оперативного управления – анализ и принятие решений по информации, потоком льющейся в многочисленных шифровках и докладных с мест, командировки в местные органы безопасности, постоянные совещания по различным вопросам оперативно-служебной деятельности, обсуждения совместных действий с коллегами из разведки и МВД, конспиративные встречи с конфиденциальными источниками, занимающими высокое положение в ряде иностранных государств – все это разом осталось в прошлом. Активная работа продолжалась, но теперь уже без Орлова, который должен был осваивать совершенно новый для себя участок деятельности.

ИНФОРМАЦИЯ: «У нас, сотрудников органов безопасности, сохранялось осторожно-уважительное отношение к “вышестоящим инстанциям” – в свое время это был ЦК КПСС, а потом – Администрация Президента. Казалось, что там работают какие-то особые люди, обладающие исключительными способностями, умеющие, опираясь на анализ потоков информации, поступающей к ним, выделять главное, формировать основные приоритеты в политике, экономике, сфере безопасности. Десятки тысяч людей, не жалея сил, готовили информационные материалы и аналитические документы, на основе которых должны были приниматься управленческие решения стратегического уровня. Разумеется, в профессионализме кадров “инстанций” не должно быть никаких сомнений...» *(Из воспоминаний А.П. Орлова).*

Перейдя в администрацию, Андрей не только лишился привычной для него атмосферы товарищеского участия и взаимной поддержки, которая, как правило, возникает в воинском коллективе, но и почувствовал явное снижение своего служебного статуса. «Администрация Президента» – звучит громко! Но здесь Орлов опять почувствовал себя шестеренкой какой-то большой машины, от которой почти ничего не зависит. Если еще несколько дней назад он ощущал себя полноценной личностью, человеком, которого знали многие в здании на Лубянке, которого одни – уважали, другие – едва терпели, но те и другие – считались с ним, учитывали его мнение, то теперь все надо было начинать сначала – завоевывать доверие людей, доказывать собственную состоятельность, демонстрировать умение не только руководить кем бы то ни было, но и свою способность самостоятельно решать те или иные задачи. Андрей знал, что сможет все это сделать, но до тех пор ему предстоял непростой период адаптации, «вхождения» в новую среду, завоевания доверия окружающих его людей.

ВОСПОМИНАНИЯ: «Появился Орлов в нашем управлении внезапно. Сначала присутствовала, естественно, определенная настороженность к офицеру из Министерства безопасности. Особенно напряженно отнесся к его появлению Петр Васильевич... Все знали, что должность первого заместителя начальника отдела была введена исключительно под Орлова... Мы все работали спокойно и вдруг... появляется этот человек. Слухи всякие ходили... В отношении него долго сохранялся ореол, что он решает какие-то особые задачи. Правда, его стиль поведения и общительность довольно быстро сняли напряженность...» *(Из воспоминаний Е.И. Владимирова, в 1992–1993 годах – специалиста-эксперта Управления кадров Администрации Президента).*

ВОСПОМИНАНИЯ: «Однажды вызывает меня Румянцев и говорит: “Я был сейчас у Филатова. Он сказал мне, что лично к нему командировать человека из Министерства безопасности. Он будет работать в твоём отделе. Причем на должности, не ниже заместителя начальника. Я думаю, что это – человек Филатова”.

Нам было известно, что специально под него пришлось ввести должность. Это встревожило всех в управлении. Румянцев и его замы схватились за голову. Что это значит? Ко мне-то они уже привыкли, а это какой-то новый человек.

С Орловым я знаком не был, но однажды, когда заходил к Голушко, я его видел. Это частично меня успокаивало – все-таки не посторонний человек...» *(Из воспоминаний П.В. Романенко, в 1992–1994 годах – начальника отдела Управления кадров Администрации Президента).*

Орлов еще раз окинул взглядом свой новый кабинет – книжный шкаф с пустыми полками под стеклом, железный сейф с приоткрытой дверцей и торчащими из замочной скважины ключами, карта СССР на противоположной стене, письменный стол, поверхность которого была абсолютно свободной – ни единой бумажки, ни письменного прибора, ни какой-нибудь безделушки. Его взгляд упал на ряд телефонных аппаратов, стоящих рядом на маленьком столике. Звонить было некуда, да еще и некому. И, тем не менее, рука Орлова

непроизвольно потянулась к аппарату городской связи. Еще до конца не отдавая себе отчета, куда он будет звонить, Андрей поднял трубку, несколько секунд подержал ее в руке, упершись взглядом в диск телефона. Потом медленно набрал номер. На том конце раздались продолжительные гудки – один, другой, третий. Затем – щелчок и знакомый голос тихо произнес: «Аллё!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.